

За большевистскую бдительность

Партия и ее Сталинский Центральный Комитет при горячей поддержке советского народа проделали огромную работу по разгрому троцкистско-бухаринской шпионской банды. Эта работа еще не закончена. Она будет продолжаться до тех пор, пока мы не исторгнем последнего шпиона. Но эта гигантская организационная работа могла быть проведена еще успешнее, если бы партийные организации в процессе ее не допускали серьезных ошибок и извращения, мешающие делу очищения партии от двурушников, шпионов и вредителей.

Несмотря на многократные указания Центрального Комитета и лично товарища Сталина, руководители многих партийно-организационных комитетов, что настоящая революционная бдительность и успешный разгром троцкистско-бухаринской шпионской банды возможны только там, где есть большевистская забота о судьбе каждого коммуниста.

Центральный Комитет партии не раз предупреждал против законного подхода к членам партии, требую индивидуального подхода к каждому коммунисту. Несмотря на все эти указания, многие партийно-организационные комитеты формально и бюрократически бездушно относятся к судьбам отдельных членов партии, во многих случаях подхода совершенно неправильно и преступно легкомысленно к исключению коммунистов из партии, забывая, что «Для рядовых членов партии пребывание в партии или исключение из партии, — это вопрос жизни и смерти» (Сталин).

Большевик всегда беспощаден к врагам, и рука его никогда не дрогнет, когда нужно громить врагов, но ему чужда и враждебна практика смещения друзей и врагов, практика исключения честных коммунистов в порядке перестройки и фальшивой бдительности. Такая практика на руку только врагам народа, стремящимся присоединиться к работе по очищению наших рядов от шпионов и вредителей.

Фальшивые крики о бдительности, подлая провокация и гнусная клевета, массовые репрессии — все пушено врагом в ход, лишь бы замаскировать свою враждебность, сохранив в рядах партии, перебить большевистские кадры, посеять неуверенность и изысканную подозрительность в наших рядах. Этого маневра враг не понимал, не разглядели многие руководители партийно-организационных комитетов, вставшие на путь массового исключения из партии.

«Пора понять, что существо большевистской бдительности состоит в том, чтобы умело разоблачать врага, как бы хитер и изворотлив он ни был, и как бы то ни было ни радились, а в нем, чтобы без разбора, или «на всякий случай» исключать десятками и сотнями из партии всех, кто попадает под руку.

Пора понять, что большевистская бдительность не только не исключает, а наоборот, предполагает умение проявлять максимум осторожности и товарищеской заботы при решении вопросов об исключении из партии или о восстановлении исключенных в члены партии» (Из решения ЦК ВКП(б)).

В постановлении ЦК ВКП(б) приводятся факты гнусной провокационной работы замаскированных троцкистско-бухаринских бандитов. Используя метод провокации, распространяя клевету на честных коммунистов, «с помощью всякого о бдительности и добывая исключения

ко лет назад выступал против них и боролся... Сосед хмурился, шмыгал носом и, наконец, выдержал. Ты здесь человек новый Присмотрелся бы к тебе, чем болтать... Надоели он нам со своей тетрадочкой... На каждом собрании цитирует. Мне на прошлом собрании Иванов сказал, что он заглянул в эту тетрадь и видел, что чернила в ней свежие, того же цвета, что и чернила на пальцах Поленицына... Ну это сплетни... Принципиальных людей всегда очерняют хотят... А он ведь всю жизнь с врагами боролся... Это верно. Только я никак не решу, борьба это или склока. Каждый раз выходит на трибуну и о любви, обо всем болтает, говорит — а с ним давно пахаете... И верю — написал. Худо только, что он всю свою жизнь во всем чувствует, всем гадит и всем в лицо отнимает морочит... Ты вот говоришь — бодяк... А у нас его втихомолку трудовод окрестили... Насилие по организации с маэзией и ловит всем ворота дегтем вымазает... В доисторические времена он романы писал. Романы были тяжеловесные и серые, как оплеуторный кирпич. Теперь, слава богу, писатель перестал, только переиздаст, да склочится, набивая себе репутацию борца. Новичок, обескураженный разговором, тоскливо посмотрел на собеседника и тихо спросил: — А что же вы его на чистую воду не выведете? — Э-э, милый мой... Вот ты свежий человек — попробуй, выступи... Бедь демократ, Наворотник на тебя заявляет в партокме и рядом два или три потом, доказывая, что ты не верблюд... Звонок председателя сигнализировал о конце перемены. Заседание продолжалось. Продолжалось и еще многие другие заседания. И каждый раз, когда председатель высказывало предложение — переходим к прениям, кто желает взять слово? — из дальнего ряда поднимался человек положительного возраста и положительной комплекции и уверенной походкой шел к трибуне. Можно предвосхитить еще одно собрание, которое состоится в ближайшем будущем. На повестке дня этого собрания будет стоять обсуждение решения ЦК.

После доклада председатель предложит участником собрания высказаться. Из дальнего ряда встанет знакомая фигура, полонет к трибуне, протрет нос, развернет тетрадку и скажет примерно следующее: — Еще в 1925 году, когда враги хотели навести тень на мое прошлое и вытаскали факты моего состояния в партию мещевин, я записал, что долго ли, коротко ли, будет такое решение ЦК, которое огранит нас от посягательств врагов. Собылось мое давнишнее предвидение... И, приветствуя с этой трибуны решение ЦК, трибуна от организации, чтобы она беспощадно ударяла по рукам тех которые... Передаю в предвиденный науку организацию летней бани и покажу себя как коммунист-карьерист... О всех их и уже неоднократно сигнализировал, они и меня азанесли... Что?... Как их имена? Их тут много — двадцать человек, пусть партокм разберется и исключит... На этот раз я не дам оратору договорить и нарушать нормальный ход заседания, закричу: — Держите его, держите! Это о нем ЦК в постановлении писал!

Партийно-организационный комитет, очищая свои ряды от замаскированных врагов, допустила в этой работе немало ошибок, которые теперь надо исправлять. Имеются ошибки и в практике партийной организации комитетов «Советский писатель». В этой малочисленной партийно-организационной комиссии в партии трех коммунистов, приписав им массу несуществующих или прихвостных дел. Все эти исключения были восстановлены в партии вышестоящими партийно-организационными комитетами. Вместо того, чтобы разоблачить по существу, как подделка большевизма, секретаря партокма Павлов усвоил единственный метод — метод исключения из партии, зачисление каждого, совершившего ошибку, и каждого исключаемого из партии коммуниста чуть ли не во враги народа, как это он сделал с В. Григоренко.

Нельзя ошибок допустить и партийной организации Гослитиздата, а также другим издательским организациям. Путь исправления этих ошибок — честное и безоговорочное выполнение постановления ЦК ВКП(б) Центрального Комитета партии. Внимательно изучая и по-большевистски реализуя постановления ЦК ВКП(б), надо знать, что беспощадная борьба с врагами, большевистская бдительность и товарищеское целое и единство и заблуждений отнюдь не исключают друг друга. Постановление ЦК ВКП(б) помогает каждой партийно-организационной комитетам поднять партийную работу на новую ступень, поможет разоблачать и уничтожить всех врагов

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Неугомонный

Заседание продолжалось... На повестке дня стоял уже третий по счету за сегодняшний вечер «персональный» вопрос. Докладчик изложил суть «дела». Обсуждаемый расказал биографию, ответил на вопросы... Пора было переходить к прениям.

— Кто желает получить слово?

— Я хочу сказать несколько слов.

— Слово имеет товарищ Поленицын!

Занесшийся в прениях подошел к трибуне. Не торопясь, положил на полштор тетрадку. Достал из кармана черную футляр, добыл пенсне, тщательно протер его и вынул из переносицы.

— Вот здесь докладчик пятнадцать минут говорил о личных и общественных качествах обвиняемого. Я хотел сказать обобщающее товарищу. Нет, я хотел сказать гражданя Перелицына. Да, я хотел сказать и говорю гражданя, потому что какой он мне товарищ? Так вот, я должен сказать, что докладчик проявил явный гнилой либерализм и примерчество к врагу... На самом деле — с кем мы имеем дело?

Снял пенсне. Пуговично ясными глазами утонул в вал.

— С кем, я говорю, мы имеем дело? Мы имеем дело с гонимым замаскированным врагом... Да, да, с врагом! Я отвечаю за свои слова... Не перебивайте меня... Я вас не перебиваю... Я давно знаю, что он враг, хитрая бестия, которую десять лет назад следовало бы вывести на чистую воду...

Отделав из стакана, опять протер пенсне, напечатал на переносицу...

— Я ничего не говорю голосово. У меня все записано. Я за всеми слежу и ничего не забываю... Так вот: я открываю свой дневник, тетрадку за 1925 год, страничка сорок восьмая... Да, я открываю тетрадку и читаю: «Перелицын на заседании совета «Федерация» три раза улыбулся Н-скому, ему же поддал бутерброд с частиковой икрой. После заседания вместе вышли на улицу, разговоривая о постановке не то «Ноду, разговоривая о постановке не то «Ноду, разговоривая о постановке не то «Ноду»... Обратите внимание! Бодяк Н-ский-то разоблачен как враг народа! О нем у меня особо записано...

— Что? Вы говорите мелочи, обязательная мелочья? Я стреляный воробей... Меня домогают не совете, мелочья... За ними надо видеть суть... Да, да, именно. Но обратимся к другим фактам... Вот на страничке сто сорок восьмой, это уже за 1926 год, читаем: «Захотел враг Валера Бобкин, говорит, что был на редовесте. Обсуждали мои «Спошные сутробы». Переулыбуясь выступил и сказал, что это антихудожественная маэзия, что издавать такую книгу — значит не уважать читателя... Н-ский сидел в углу и сочувственно кивал... Вот видите, куда ведет ищотка? Сначала бутерброды с частиковой икрой и воздушные пиры, потом атака на протертую литературу, а потом... Да что там долго говорить! Чужой человек Перелицын. Я в нем всегда врага видел, а у меня чужие... старое. Все по моему ясно. Надо не только исключать его из партии, но и сообщить соответствующим органам... Я кончил...

Участники собрания столпились в коридоре. Какой-то новичок восхищенно говорил соседке: — Вот это здорово! Все подмечал. Все записано. У него все как на ладони! Сукалова обсуждала у него факты Индейкина — факты Перелицына так здорово припер!... И сразу вылетит старого бодяка... Сколько

НЕДОСТАТКИ РАБОТЫ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

А. ФАДЕЕВ

Поддающееся большинство советских литераторов, партийных и беспартийных, недоважно состоянием дел в союзе писателей.

И недоважно справедливо. Представьте себе трест или предприятие, где людей попускают беспрерывно заседать, отрывая их от основного дела. Представьте себе, что на многочисленных заседаниях работников этого треста или предприятия не стоят вопросы производства. Печальные дела такого треста или предприятия. Честные работники — не любящие шумихи, не карьеристы, не крикуны, не бездельники — будут недоважно состоянием дел в таком тресте или предприятии.

Союз писателей — это не трест и не предприятие. Союз писателей — организация общественной, демократической, идеологической, творческой. Напомним, что воспитательная миссия, творческих советских художественную литературу. Но что сказать о таком союзе писателей, в котором люди попускают беспрерывно заседать, отрывая их от основного дела. Заседает президиум, заседает секретариат (о, разумеется, «с активом»), заседает партийная группа, заседает партийная организация, партийный комитет, бюро секции, заседает разнообразная комиссия, заседает правление Литфонда, созываются бесконечные совещания при издательствах. И редко-редко на каком-нибудь из этих заседаний стоит вопрос о непосредственной писательской работе, редко-редко когда, хотя бы на одном из этих заседаний, встает вопрос непосредственного писательского производства. Неудивительно, что люди оскудевшие по хорошему литературному разговору. Неудивительно, что люди воспринимают всю эту заседательскую сумятицу как выражение бюрократизма. Неудивительно, что люди недоважно состоянием дел в таком, с позволения сказать, «союзе писателей».

Разумеется, автор этой статьи тоже несет ответственность за такое положение дел в союзе писателей. Но очень трудно изменить это положение, если товарищи, стоящие во главе союза писателей, попросту говоря, не любят художественную литературу.

Работа каждого настоящего, честного писателя всегда стимулируется живой жизнью. Писатель пишет для того, чтобы чем-то поделиться, чему-то научиться, что-то открыть, объяснить людям. Художественная литература отвечает на самые современные, самые запущенные, самые великие и прекрасные вопросы человека. Поэтому она, художественная литература, пользуется огромной любовью миллионов людей. В ней, как и во всяком настоящем искусстве, есть неповторимое обаяние для миллионов и миллионов людей. И сами писатели (настоящие писатели, не крикуны, не фразеры, не заседатели, а творцы художественной литературы) беззаветно любят свое дело. Лучшие образцы искусства так же, как и живая жизнь, стимулируют их творчество. Крупнейшие художники прошлого, имена которых сияют в веках, как звезды, люди, отдавшие свое могучее перо на благо человечества, были буквально подвижниками в области искусства, они были преданы ему беззаветно, искусству было их страстью.

Писательское мастерство не так легко формулировать, объяснить логически, описать, трудно научить мастерству. И не случайно, что писатели учатся своему мастерству прежде всего друг у друга. Нет другой такой профессии на земле, о которой так много, так страстно и с такой любовью говорили бы друг с другом работники этой профессии, как профессия писательская. Производственный разговор необходим писателю, как воздух.

Не странно ли, что в союзе советских писателей прежде всего отсутствует этот вдохновляющий творца любовный и страстный разговор об искусстве? Не странно ли, что товарищи, руководящие союзом писателей, любят заседать, любят произносить речи, любят сидеть в президиуме, любят получать, любят видеть свои фамилии напечатанными в газете, но не любят главного — не любят художественной литературы, не любят искусства?

Для того, чтобы в союзе писателей был честный разговор об искусстве, необходимо очень немного. Необходимо превратить союз писателей из плохого, с чиновничьими методами работы департамента по делам литературы в общественную демократическую, идеологическую, творческую, живую организацию. Пора понять, что все честные советские литераторы (а не два-три человека, воображающих, будто они чем-то руководят) болеют за дело советской литературы, бесконечно любят это дело и хотят отвечать за него.

Откуда могло возникнуть такое безобразие, когда враги народа подымали на штык бездарные и клеветнические «произведения» Серебряковой («Юность Маркса»), а руководители союза писателей способствовали им в этом деле?

Откуда могут возникнуть такие дела, когда руководители союза писателей в величайшем удивлении всех честных советских литераторов вдруг начинают рекламироваться бездарные авторы, вроде Колбасьева или Краковца, которые впоследствии расшифровываются как враги народа?

Откуда может возникнуть такая странность, когда с непервой помпой и пышными речами о «переконке» принимается в союз, к удивлению всех честных литераторов, личность хотя бы некоторых элементов дарования Могилынского, которую очень скоро расшифровывают как врага народа, посланца врагов в союз писателей?

Такие и многие другие подобные «дела» и странности возникают и могут возникнуть потому, что руководители союза писателей не сумели выдвинуть элементарные формы советской демократии в союзе писателей, не терпят малейшей самокритики, абсолютно не приспособлены к росту честных советских литераторов, не имеют доверия к их знаниям и опыту, а хотят направлять великое дело советской художественной литературы, так сказать, «единолично».

Какая же цена такому союзу писателей, в котором оценка тех или иных произведений, определение творческого (и политического) лица писателя, выдвигание «лучших» образцов советской художественной литературы, выдвижение «худших» очень часто зависят от произвольного мнения и вкуса, а не от политических «соображений» того или иного руководителя, а не являются предметом и плодом предварительного широкого писательского обсуждения?

После того, как иные из руководителей союза писателей нажились на большом количестве выдвинутых ими бездарных и политически вредных произведений, на свет выплывает довольно странная «теория». Оказывается, нельзя дать правильной оценки художественному произведению, если ты лично и досконально не знаком с его автором. Почему так? А вот почему: оказывается, можно создать хорошее революционное произведение, будучи двурушником, присоединившись, врагом народа, — создать его, так сказать, «для маскировки». Вот какими странными «теориями» приходится иным руководителям союза писателей оправдывать свое незнание литературы, любовь к ней и неумение прислушаться к коллективному голосу советских литераторов.

По этой странной «теории» наша критика, к примеру, не может высказываться о мировой художественной литературе. Мало ли кто там пишет? Разве со всеми лично перебрались? По этой странной «теории» подучаются, что настоящее революционное художественное произведение может возникнуть не только, как органический продукт революционной мысли и страсти, воплощенный в живых, простых и правильных образах, а и как продукт подлости и обмана.

Только люди, не имеющие понятия об искусстве, привыкшие принимать за искусство порт знает что, смогли подучиться до этой «теории». Да, враг использовал и использует художественную литературу в своих целях; да, он пытается обмануть нас своей якобы верностью идеям коммунизма, он приспосабливается к нашим лозунгам, маскируется ими. Но честные люди, любящие искусство и не терпящие фальши, имеют все возможности разоблачить маскировку врага. Для этого нужно только одно: в оценке того или иного произведения ставить вопрос не о его абстрактно-идеологических качествах, а обязательно о его целом художественном лице. Пора, наконец, понять, что в художественном творчестве не звучат и не могут звучать правдиво даже самые на первый взгляд «правильные» политические высказывания, если они не находят соответственного живого, образного, художественного воплощения. Пора, наконец, понять, что бездарные и полные враги народа, все эти Кирилоны и им подобные, маскируясь якобы «правильно поставленной» политической проблемой, политической «остротой», «актуальностью» затронутых вопросов, могли жить только потому, что к оценке их «произведений» не применялся цельный критерий художественности, не открывались идеи ее воплощения. Стоило бы только применить этот критерий, как сразу бы стало видно, что «произведения» этих господ антихудожественны и насквозь фальшивы.

Мы прекрасно понимаем, что очень хорошие мысли иногда не могут быть выражены в произведении просто по неумелости автора. Это очень часто встречается у начинающих авторов. Это случается и с более квалифицированными «мастерами». Но и перед начинающими авторами и перед квалифицированными «мастерами» не нужно «приседать», потому что нельзя «приседать» ни перед кем в таком великом деле, как революционное искусство, а нужно и перед ними по всей прямоте и остроте ставить требования высокого художественного качества, художественной цельности, гармоничности формы и содержания.

Отсутствие борьбы за высокое художественное качество в союзе советских писателей портит молодых литераторов и дает возможность бездарным врагам народа маскировать свое полное лицо фальшивыми «идеологически выдержанными» заявлениями. Не пора ли понять, что без странной принципиальной борьбы за высокое художественное качество, за цельность в искусстве нельзя создать высокого социалистического искусства?

Борьба за высокое художественное качество возможна только на основе развертывания честной и принципиальной самокритики, невзирая на лица, самокритики, направленной на литературную работу каждого из нас. И самокритика, направленная на общее положение дел в союзе писателей.

У руководителей союза писателей существует довольно странное представление о самокритике. Они думают, что обязанностью руководителя является — критиковать членов союза писателей, «наблюдать» их «скачать» на вид, всемерно «спонсировать» их, «карать», а обязанностью членов союза писателей является признавать свои ошибки и беспрерывно каяться. Не трудно видеть, что такая самокритика не имеет ничего общего с большевистской самокритикой. Это скорее самокритика евангелическая, самокритика митарей: бить себя в грудь и беспрерывно повторять: «Боже, милости буди мне грешному». Самокритика большевистская есть самокритика не только сверху, но и снизу. Такой самокритикой не может заниматься Сталин. На таком самокритике разгромлены сотни миллионов людей, при помощи такой самокритики совершались и совершаются в Советском Союзе великие дела.

Не пора ли ввести эти методы большевистской самокритики и в практику союза писателей? Руководители союза писателей привыкли считать писателя по спискам и ведомостям. Писатель, чья фамилия не входит на аршин. А между тем каждый честный советский писатель представляет собой маленькое производственное предприятие и иногда и большое предприятие. Каждое такое предприятие скопило немалый опыт работы. Когда же, наконец, в союзе писателей будут прислушиваться к этому опыту?

Представьте себе, что какой-нибудь из советских литераторов, получив повестку на очередное заседание, скажет: «Я не могу прийти на заседание, потому что и должен прочесть рукопись своего товарища». Можно вообразить себе, как удивятся руководители союза писателей! Чего доброго, они скажут это за «погрешное основ». Подумайте только! Это за «погрешное основ», а там какая-то... рукопись!

Пора, наконец, понять, что работа с писателями — это прежде всего и главным образом работа с его рукописью. Ибо рукописи писателя это и есть его труд. Чита рукописи, разговаривай по поводу рукописей, редактирование рукописей — это для союза писателей гораздо более важные дела, чем все заседания, вместе взятые.

Почему в союзе писателей существует такая странная категория, как «кандидаты в писатели»? Ведь если идти в этом направлении дальше, то можно создать категорию «соискующих» писателей. Промоите кандидатов в члены союза и вы увидите, что среди них есть прекрасная молодежь, которая по своему уровню давно превосходит многих из «старейших» членов союза. С другой стороны, там немало людей, которые начали писать при царе Горохе, успели уже оstarиться, но писать так и не научились. Давным давно пора ликвидировать эту странную категорию — «кандидатов в писатели». И сделать это можно чрезвычайно просто. Вместо того, чтобы митарить квалифицированных писателей по заседаниям, не лучше ли было бы поручить им в определенный срок переписать рукописи кандидатов в члены союза и перевести способных людей в члены союза, и неспособных в литературное устройство на другую работу. Работа с молодыми писателями заключается не в выдаче им «кандидатских» карточек (качем вообще существуют удостоверения на звание писателя?), а прежде всего в работе над их рукописями.

Страна наша переживает невиданный подъем. Процисходящее незалежно союзом Верховного Совета наглядно перед нами демонстрирует духовную красоту и величие нашего народа, сплотившегося вокруг знамени Ленина — Сталина. Никогда еще не было таких прекрасных условий для постижения чудесного рамаха творческой работы.

И достижения советской художественной литературы могли бы быть во сто крат больше, если бы союз писателей добился бы не показной шумихи, не о показном «авторитете» того или иного из «руководителей», а помнил бы больше об интересах народа, помогал бы советским литераторам работать и способствовал бы тому, чтобы великий народ наш получал побольше полноценных, могучих, радостных произведений.

А. Л. ТОЛСТОЙ

«ПЕТР I»

Начало см. 1 стр.

Мишка (защыл, но притворно): Родной батюшка, родная матушка, зачем меня на свет родили... Пропала моя головушка...

Петр: Подойди! (Мишка подходит, за ним Абдурахман). В Амстердаме учиться будешь, или по кабакам шляться?

Мишка: По кабакам... (будуем в ноги). Абдурахман: Учиться будешь... Петр: А это кто такой? Абдурахман: Абдурахман, холоп... Петр: Поедешь с княземком в Амстерда, присматривая за ним, чтобы там не плясывали.

Абдурахман: Присмотрю, Мишка будет учиться... Мишенька (Петру, указывая на Буйносов): Мень херц, бородат упрямый, не идет... Мень не идет.

Петр: Дай помянуть, Роман Воросович, Устав знаешь? (Берет его за бороду). Выть!

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Сенат. Круглый стол. На стульях сенаторы. Входит Шафиров.

1-й сенатор: Господин вице-канцлер, из-за чего ж нас собрали?

2-й сенатор: Вель некоторые даже и наточак прибыли.

1-й сенатор: Галаем и так и эдак.

2-й сенатор: Говорят эсэко.

Шафиров: Такое дело, сенаторы... На прошлой неделе была на море снежная пурга. Полетел к Кронштадту корабль под имперским флагом Пушкин вызвал лопмана. А лопмана все пнявые.

1-й сенатор: А я-а-а!

Шафиров: Государь в ту пору пришлое быти в Кронштадт. Надел он лопманскую куртку, плашку и сам повел корабль в Питербух. А на корабле были имперская послы и один человек, от философа Лейбница. Они ведут разговор между собой, а государь стоит у штурвала и слушает.

1-й сенатор: И что же, она государя не узнала?

Шафиров: В том-то и дело, не узнала. И тут они много сказали друг другу лишнего, глядя на наши форты, да на корабли.

2-й сенатор: По-немекки говорили?

Шафиров: Ну, а как же еще... 1-й сенатор: И государь не открылся? Шафиров: Зачем? Государь пригвартовал корабль у адмиралтейства и потребовал десять гульденов на волюку.

2-й сенатор: И они дали?

Шафиров: Дали пять гульденов.

1-й сенатор: Что же она сказали лишнего?

Шафиров: А вот сейчас услышите.

2-й сенатор: Государь! (Входит Петр, Меншиков, Переметев и Фельба, который ставит караул у дверей). Петр (стоя, с книгой, у стола). Господа сенат! Нам довелось достоверно узнать о

стве. Как табун копей в некоем поле, окружены мы хищными зверями, в поход тот козани, кто не поставит сторожа. Сын мой Алексей готовился предать отечество, и к тому был у него сообщник... Он подлежит суду. Сам я не беруя лечить сына смертельной болезнью. Вручаю Алексея Петровича вам, господа сенат. Судите и приговорите, и быть по сему... (Затемнение. Там же. На стульях сенаторов. На троне Екатерина. Около нее Меншиков).

Екатерина (встает, бледная, с трясущимися губами — Меншикову). Не могу, Александр Данилович, дело очень страшное. Духу нехватает. Спрашивай лучше ты... Меншиков (наклонив спрашивая, указывая пальцем на каждого). Ты? Князь

Десятая

Послепо: Выкол, баранов целком не вертикал. Врно изпод земли струей бьет, вот как устроено... Подходи, ешь, пей. Нейштадский мир, батя.

Марья: А глаза у тебя те... Хорошо живешь? Иван: Глади, рязеные, как на святки... Послепо: Что еще будет... В сумерки зажгут потешные огни, начнется карнавал...

Иван: Денег это стоит... Послепо: Не мало... Глади — корабель идет... Паруса бомбам прострелены... Это фламандский корабль «Нептун» вернулся после победы над шведами...

Старик: Помню, шведы Смоленск взяли, тогда я маленький был, рассказывали — народу нашего побояли... Тогда же поляк на Москву шел... Да под Москвой его князь Пожарский да Митрий Трубочкой побоял на полях! Народу легло...

Послепо: Сколько же тебе лет, дедушка? Старик: Да много будет за сто... Я мидно, парень, помню... Послепо: Пожил... Старик: Да, хвалит трудов... Вот, востак, пешком пришел, услышал про мирто...

(Подплывает корабль, украшенный флагами Роговая музыка. Песня По набережной валил народ (Вперед! Вперед! шагает Петр).

Петр: Вперед! (Кричит, плуцкая пальба. С корабля скочил Абдурахман). Абдурахман (развешиваясь, сорванное в фланговым знамя спускает перед Петром!) Сей флаг сорвал с тошного неприятельского флагама. Сорвал его, кинувшись в пламя матрос Иван прозвищем Гуляйвер...

(Петр обнимает матроса, потом Абдурахман берет из рук Меншикова кубок с вином).

Петр: В сей счастливый день окончания войны сенат даровал мне звание отца отчества. Суров я был с вами, дети мои. Не ля себя я был суров, но дорога мне была Россия! Моем и вашими трудами увеичали мы наше отечество славою, и корабли русские плывут уже во все гавани Европы. Не напрасны были наши труды, и поколениям нашим надлежит славу и богатство отчества нашего беречь и множить. Виват! (Пушки, крики, рожки).

1788 г.

Джордж-Гордон Байрон

1938 г.

«ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛД-ГАРОЛЬДА»

И. Фрадкин

«Однажды утром я проснулся знаменитым». Так писал Байрон в своем дневнике, вспоминая день 10 марта 1812 г. В этот день во всех книжных магазинах Лондона появились две песни его первой поэмы «Паломничество Чайлда Гарольда», принесшие прежде безвестному автору громкую славу. Необычайный успех поэмы (в течение одного 1812 года она разошлась в пяти изданиях) сразу выдвинул Байрона в первые ряды европейских писателей.

«Чайлд-Гарольд» — это своеобразный путевой дневник. Первые две песни поэмы были написаны Байроном во время его первого путешествия по Пиренейскому и Балканскому полуостровам в 1809—11 гг. Третья песня была написана Байроном летом 1816 г. в Швейцарии, куда поэт бежал от гонимого его ханжеского «крестьянского» английского высшего света. Создание последней — четвертой — песни относится уже к пребыванию Байрона в Венеции в 1817 году.

Таким образом «Паломничество Чайлда Гарольда» — это основное произведение Байрона — создано в течение почти десятилетия и дает наиболее полное представление о философских и общественно-политических взглядах поэта и об эволюции его мировоззрения. Проблемы, волновавшие Байрона на протяжении всей его жизни, в значительной своей части нашли себе отражение в этой поэме.

I.

Байрон был воспитан в духе идей французских просветителей XVIII века, не предполагавших еще всей глубины противоречий нарождавшегося буржуазного общества и предсказывавших наступление, в итоге прогрессивного исторического развития, царства разума и справедливости. Наследникам Вольтера, к числу которых относился и Байрон, пришлось испить горькую чашу отравленных иллюзий. Мотивы усталости, тоски, одиночества, полчас весьма яственные в «Чайлд-Гарольде», провозглашающие в унисон с господствующим тогда в европейском обществе настроением «мировой скорби».

Байрон сохранил на всю жизнь глубокое преклонение перед смелостью и величием идей революции, перед ее тираническими устремлениями и столь родным ему пафосом свободы. Недаром по плану незаконченной им поэмы «Дон-Жуан» Байрон предполагал окупить своего героя в кипение революционных событий во Франции и затем повести на эшафот «набожные Анахариса Клоотар», известного левого якобинца, «оратора рода человеческого».

Французская революция воспринимала дух античности, римская республика была провозглашена государственным идеалом якобинцев. Байрон неоднократно высказывался в защиту классицизма. Даже уходя в национально-освободительной борьбе итальянцев и греков было для Байрона теснейшим образом связано с его страстной мечтой о возрождении античного мира. Но все же, как человек XIX века, Байрон на опыте якобинцев уже имел случай убедиться в утопичности и неосуществимости этой мечты. Поэтому Чайлд-Гарольд и приходит лишь горько одакивать руины афинского Акрополя и римского Колизея.

Наконец, не менее показательно для выяснения связи Байрона с веком просвещения его отношение к Вольтеру, признанному вождю философского рационализма XVIII столетия.

Вольтер учил стремиться к рациональному познанию и верить разуму, верить в исторический прогресс, который неизбежно должен привести к торжеству разума. События Французской революции не подтвердили прогноза Вольтера: на смену одному несправедливому общественному строю пришел другой, не менее несправедливый. Однако Байрон не делал на этом основании вывода об общем банкротстве разума, о необходимости отвлечь от пыльного распада и предаться слепой пассивной вере. Наоборот, Байрон сохраняет стоическую верность разуму:

Но будем мыслить смело. Отречение
От мысли прав позорно для ума.

В этом отношении «Чайлд-Гарольд» перекликается с мистерией «Кайн», написанной Байроном в 1821 г. Герой этого произведения познание мира приносит лишь новые страдания, но он мужественно смотрит в лицо истине, ибо «неведение зла не спасает от самого ада».

Байрон сохранил непоколебимое уважение к личности Вольтера и его философским воззрениям. Посещение Фернея, долготелеей резиденции французского мыслителя, послужило Байрону поводом в третьей песне «Чайлда-Гарольда» воспеть его универсальные гении:

Он раздвинул себя пред целым светом;
Протей по дарованью, весь дышал
Насмешкой и вихрем, ей согретым,
На сонный мир внезапно налетал,
И то сражал глупца, то троны потрясал.

II.

Одной из существенных сторон мировоззрения Байрона является его отношение к Руссо и руссоизму.

Поклонение Руссо возникло у Байрона еще с детства. Оно дает себя чувствовать в двух первых песнях «Чайлда Гарольда» и особенно усиливается в 1816 году под влиянием знакомства с Шелли, еще более страстным поклонником Руссо. В июне 1816 года Байрон вместе с Шелли совершил экскурсию на лодке по Женевскому озеру, обхватив «Новой Элоизой» в руках все места, описанные в этом романе.

Идея Руссо — отращивание цивилизации, воспитание ярко выраженный антикантикатический характер, любовь к природе и проповедь возврата к патриархальному естественному состоянию, — все это до известной поры было созвучно взглядам самого Байрона. В «Чайлда-Гарольде» мы встречаем и пантеистические гимны природе и известия, почти дословно повторенные, афоризмы Руссо — «все выходит совершенным из рук творца и портится в руках человека». С руссоизмом связаны симпатии Байрона к движению диддадов, — разрушители станков, выражающему стремление к патриархальному производству. С руссоизмом связано и преклонение Байрона перед Америкой, в общественном строе которой он видел осуществление идеи Руссо о бесспорной трудовой жизни на лоне дестественной природы. Руссоистский афоризм американца-колониста Байрон изобразил в своем «Дон-Жуане» (колония Даниэля Буна) и одно время собирался даже эмигрировать в Америку, о чем повел нам в «Оде Венеции».

Однако постепенно Байрон проникался сознанием утопичности руссоистской идиллии.

III.

«Чайлд-Гарольд» можно рассматривать как развернутое политическое кредо Байрона.

В 1809 г., в разгар национально-освободительной войны с наполеоновской интервенцией, Байрон посетил Испанию и воспеял в первой песне «Чайлда-Гарольда» поразившую его гражданскую доблесть испанских женщин и героизм всего испанского народа, сражающегося, вопреки предательству короля и дворянства, за свободу и национальную независимость.

Описание испанских событий — первое выражение великого сочувствия Байрона национально-освободительным движениям угнетенных народов. Это не было лишь сочувствие на словах. Как известно, Байрон принимал активное участие в заговоре карбонариев — итальянских патриотов, ставивших себе целью освобождение Италии от австрийского владычества, и сложил свою голову в 1824 г. в борьбе за свободу Греции.

Неустрашимый боец за освобождение человечества, Байрон через всю свою жизнь пронес пылающий факел революционного энтузиазма.

Рис. Э. Мордмилловича.

Высказывания о Байроне

Энгельс

Насколько английскому пролетариату удалось добиться самостоятельного развития, доказывает особенно тот факт, что наиболее замечательные произведения новейшей философии, политической и поэтической литературы читаются почти исключительно рабочими. Буржуа-раб данного социального строя и связанных с ним предрассудков — боится всего, что действительно знаменует собой прогресс, и усердно открещивается от него; пролетарий же смотрит на все новое открытыми глазами и изучает его с наслаждением и успехом... Шелли, гениальный пророк Шелли, и Байрон со своим чувственным пылом и горькой сатирой на современное общество имеют больше всего читателей среди рабочих; буржуа читает только тех называемые «семейные издания», оскотиненные и приспособленные к современной лжеморали.

Гете

«...разве Байроновская смелость, отвага, грандиозность ничто не дают для совершенства?.. Все великое совершенствуется, если только мы умеем постигнуть его, как следует». Фигура Байрона «подобна такой мощи, какая не встречалась никогда раньше и вряд ли встретится позже».

«...Он является бесспорно величайшим талантом нашего столетия».

(Зингерман. Разговоры с Гете).

Горький

Свифт, Рабле, Вольтер, Лесаж, Байрон, Теккерей, Гейне, Верхарн, Анатоль Франс и немало других — все это были безукоризненно правдивые и суровые обличители пороков командующего класса.

(О действительности.)

Пушкин

Ни одно из произведений лорда Байрона не сделало в Англии такого сильного впечатления, как его поэма Корсар, несмотря на то, что она в достоинстве уступает многим другим: Гауру, в пламенном изображении страстей, Осаде Коринфа, Шильонскому узнику — в трагическом развитии сердца, в трагической силе Паризине, наконец 3-й и 4-й главы Childs Harold — в глубочайшей и высоте парения истинно лирического и в удивительном шекспировском разнообразии Дон-Жуана...

...Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человеческую, потом отерпелся от них и погрузился в самого себя. В Наполеон он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), все... отнес он к нему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно-пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал он по одной из остальных частей сложного и сильного характера, и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц мелких и незначительных.

Белинский

«...В поэзии Байрона прежде всего обоймет вашу душу ужасом удивления колоссальная личность поэта, титаническая смелость и гордость его чувств и мыслей».

(Статья в Пушкине).

Байрон писал о Европе для Европы; этот субъективный дух, столь могущий и глубокий, эта личность, столь колоссальная, гордая и непреклонная, стремилась не только в изображении современного человечества, сколько к суду над его прошлым и настоящим историей.

(VIII статья в Пушкине).

ЛАВР И ШПАГА

Л. Никулин

«Байрон», романизованная биография Андре Моруа вышла в 1928 году. Нетеропливый Гослитиздат выпустил эту книгу в русском переводе в прошлом году. Таким образом оказалось, современными писателям о жизни Моруа сейчас, в дни, когда исполнилось сто пятьдесят лет со дня рождения великого английского поэта, оказавшего огромное влияние на литературу его века.

Вступлением к книге «Байрон» была более ранняя книга Моруа о другом прекрасном поэте Англии — «Ариэль, или жизнь Шелли». «Ариэль», «Байрон» и «Дизраэли» — эти три книги главным образом определяют лицо французского писателя Андре Моруа. Для западной, буржуазной литературы эти книги — образец «романизованной биографии», интереснейшего и благородного литературного жанра, присущего «скорее романисту, чем критику и историку».

Жизнь Байрона — привлекательнейший материал для такого жанра литературы. Тридцать семь лет этой жизни вмещают в себе множество исторических событий, потрясавших начало XIX века. Войны и революции, жестокая католическая реакция в Европе — все это имело отражение в жизни мальчика, родившегося в бедной, почти нищенской обстановке и затем, как это бывает только в сказках, превратившегося в богатого и знатного английского аристократа, лорда Джорджа Гордона Байрона.

У романиста, описывающего такую жизнь, много соблазна. Он может увлечься событиями личной интимной жизни великого поэта. На первый взгляд, это будет оправдано, потому что личная жизнь Байрона в известной степени отражена в его произведениях.

Эта личная жизнь великого поэта и есть главная тема книги Андре Моруа. Добросовестно и кропотливо Моруа рассказывает о романтических похождениях Байрона. Моруа взял на себя труд исследователя, изучил материалы, письма, записки в дневниках, он внимательно проследил, как отражались интимная жизнь Байрона в его произведениях, он привел множество известных и малоизвестных фактов из биографии поэта. Все это изложено хорошим литературным стилем в той несколько холодноватой манере повествования, которая порой действует на читателя вернее, чем запальчивость и темперамент.

Читатель видит живого Байрона, страдающего, усталого, любящего и ненавистящего поэта. Всего этого Моруа добился вполне допустимыми литературными приемами, не вызывая болезненного любопытства к интимной стороне жизни поэта. Но Моруа не дал и глубины, ясности, полноты натуре Байрона, той глубины, которую дал в одной странице своего итальянского дневника Стендаль:

«Если я думаю о Байроне, мне уже у себя на счету восемь томов прекрасных стихов, он мог знать свет, он должен был бы понять, что в XIX веке для гениального человека существовало только два жребия: или быть глупцом или чудовищем». Так писал Стендаль.

Во времена Стендаля, разумеется, не было еще опубликованы письма и документы, которыми располагал в наше время Андре Моруа, но интуиция и ум гения помогли Стендалю и нашему Пушкину понять причину гонений, которым подвергся Байрон.

«Тогда же Байрон читает исповедь, записки его, потому что в полноте своей радуется угнетенному высокому, слабым могут в восхищении. Он и мал, как м. и м. и мерзок, как м. и м. и мерзок: он и мал и мерзок не так, как вы, — иначе».

В этом справедливом негодовании — весь Пушкин.

Реман с жизни Байрона, вышедший в наше время, должен был расстроить читателей, что не одно только чувство благородного негодования против разрушителя основ нравственности разжигало ненависть аристократии в отношении Байрона.

Жизнь Байрона была вызовом, бросенным «доброй, старой Англии» и правящим кругам Европы.

«Не думаете ли вы запугать вселиней несчастных голодающих, не поугашились ваших штыков?»

«В самых угнетенных провинциях Турции я не встречал такой непроглядной нищеты, как в сердце христианской Англии...»

Эту страстную речь в защиту бедняков, в защиту голодающих рабочих Андре Моруа пробует объяснить тем, что в Ноттингеме начальником умрирелера был некто Джек Мистр, человек, «который отнял у Байрона Мари-Анн».

Моруа утверждает, что «семейные традиции с «сторони матери» способствовали тому, что Байрон стал либералом. И здесь, надо сказать, устами Моруа говорит именно та добрая, старая Англия, которую так презирал Байрон. Недаром Моруа кичится своим пониманием «души Англии». Он начал с романа «Молчание полковника Брамбля», рисуящего идеального английского воина-дворянина, и недавно опубликовал историю Англии.

Байрон приходит на помощь итальянским повстанцам, сражающимся с папскими войсками и войсками австрийских оккупантов. Он участвует в итальянском революционном движении, и опять же Моруа чуть не главная причина этих благородных поступков в том, что подруга Байрона Гвиччини и ее родичи борются на стороне революции.

Но это было не только сентиментальное сочувствие повстанцам. Байрон вооружал повстанцев, изучал стратегию революционной войны:

«Я посоветовал им выступать в отдаленности, отдельными группами и в разных местах (но одновременно), чтобы расшевелить внимание войсковых частей, все же, благодаря своей дисциплинированности, победят в регулярном бою толпу, не имеющую настоящей тренировки».

Прочтите записки в его дневнике. Это мысли человека, на целый век опережающие его время.

«Так продолжаться не может. Должна бы существовать всеобщая республика, — и я думаю, что так и будет».

Только приближаясь к эпилогу, к смерти Байрона в войсках греческих повстанцев в Миссолах, Моруа подводит итоговую главу в характере Байрона, — к тому, что привело его в ряды бойцов за освобождение Греции. Смысл этой борьбы заключался в том, что реакционеры всего мира предпочли бы, чтобы греки оставались под игом турок, лишь бы не разгоралась пламя освободительных войн.

Байрон установил благородную традицию литературы, традиции, по которой писатель должен принимать непосредственное участие в битвах с реакцией, в борьбе за свободу, за будущее человечества.

Лавровы ветвь и шпага были положены на белом солдатский гроб великого поэта, умершего в лагере повстанцев в Миссолах.

Пример доблести и мужества завещал поэтам всех народов Джордж Байрон. Он же завещал поетам всех народов еще два великих достоинства: жажду знаний и скромность.

«Он говорил на древнегреческом, на новогреческом языке и по-арабски. Знать он научил армянский...» пишет о Байроне Стендаль.

О скромности Байрона: «Завтра день моего рождения, то есть в полночь, сегодня, через двенадцать минут мне будет ровно тридцать три года!!! Иду ложиться с тяжелым сердцем от мысли, что прожил так долго и с такими малыми результатами...»

Эти строки были написаны в то время, когда мир уже знал «Чайлда-Гарольда», «Абдосскую невесту», «Корсар», «Бережные мелодии» и «Дон-Жуана».

Таким образом книга Андре Моруа, несмотря на известные недостатки, интересна для нашего читателя. Моруа буржуазный писатель, отсюда не марксист, и нельзя требовать от него правильного марксистского подхода к жизнеописанию Байрона и описанию времени Байрона. Поэтому я не могу согласиться с оценкой, которую дал книге Моруа тов. Антокольский в предыдущем номере «Литературной газеты». Такая книга представляет интерес и особенно в те дни, когда прогрессивное человечество снова возлагает упования на лавры и шпагу на гроб великого поэта.

М. ЗАБЛУДОВСКИЙ

Великий поэт Байрон

Политическая реакция, направленная против Французской революции и связанная с нею романтизм, выработала реакционный романтизм в лице Шатобриана, Новалиса и поэтов «второй школы» — Сутти и Кольриджа, которые судорожно цеплялись за религию, за мистику, прославляли монархию и уходили от современности в католическое средневековье.

На том историческом и литературном фоне особенно рельефно выделяется революционный характер творчества Байрона. Нужна была огромная смелость мысли, широта кругозора, отважность и страстность борца, чтобы в эту эпоху бросить в мир такой призыв к свободе, который прозвучал бы во всей Европе, пробуждая в людях дух гордого свободолюбия и ненависти к тирании.

Байрон был первым поэтом революционного романтизма в мировой литературе, первым, кто в литературе XIX столетия смело возвысил голос в защиту попранных прав человека, против мракобесия и деспотизма. В этом величие Байрона.

От мистицизма, проповедуемого творцами современных романтиков, Байрона отличали французские просветители с их трезвой ясностью мысли. Вольтер и Руссо, эти титаны ума, чья высокая цель была достоянием всех людей, — Чайлд Гарольд, III, 106), являлся для Байрона учителями, от них он унаследовал от культуры античности, культ чувства и природы, горячую вражду к угнетенному человеку, деспотическое презрение к обуржуазившимся. Однако того, что завещал омы Французской революции, уже не мог удовлетворить вольтерский идеал просвещенного абсолютизма, и он точно так же, как обобщающий пафос Руссо, оказал о чуждом Байрону-романику.

Влияние буржуазной французской революции и учения просветителей XVIII века явилось источником байроновского свободолюбия и той непримиримой ненависти к тирании, которую Байрон постоянно высказывал:

Источником революционной поэзии Байрона послужили революционные движения первой четверти XIX века: национально-освободительная борьба Испании, Италии, Греции и народное движение на родине поэта — в Англии. Байрон страстно откликнулся на эти события, воспевавший их как зарю будущей свободы и явственно извещавший на общем вратом радикального лагеря Европы — над «Священным союзом» мракобесов. Он был не только свидетелем революционных событий своего времени, но и участником их.

Пылая натура бойца не позволяла ему бороться одним лишь поэтическим словом. Я выступил всегда готов бойцом Не только на словах, но и на деле За мысль и за свободу. С тяжким злом, что рабство создает, мириться мне ли? Борьбу я увенчаю ль торжеством — Не ведаю, — навряд достигну цели; Но все, что человечество гнетет, Всегда во мне противника найдет. (Дон Жуан, IX, 24)

Байрону пришлось навсегда покинуть берега Англии и жить изгнанным в Швейцарии и Италии, разделяя судьбу другого великого поэта и революционного демократа — Шелли. «Поклонить родину не легко, но еще труднее — умереть или покориться» — писал Байрон еще до своего отъезда в Англию («Лара»). На чужбине его гонимые звуки гимн свободе («Шильонский узник»), еще решительнее обличает Байрон тиранию и певцов тирании («Виллене суд»), тюремщиков Европы («Брошюанский век») от Георга IV («Четвертого дурака из Георга») до российского самодержца-крепостника Александра I. Поэт обличается с революционными деятелями Европы, принимая активное участие в борьбе карбонариев за освобождение Италии от австрийского ига, а после крушения заговора «угрольчиков» стремясь к открытой борьбе с оружием в руках, уезжает в Грецию, где начинается освободительная война. Байрон обличает разрозненные отряды греческой повстанческой армии, он отдает ей свое состояние и приносится в жертву этой борьбе свою жизнь...

Байрон боролся не только против порабощения нации, но и вообще против подавления человека человеком, против угнетения в любой форме. Недаром поэт в «Песне для диддадов» ставит своим соотечественникам в пример революционную Францию. Недаром он зовет народ осознать свои права и встать против деспотов, против всего, что «человечество гнетет».

Народ, очнись от сна! Не дай себя Опутать ей ласковой лгуниной. Или вперед, тарантулов губя... Борись со злом, твой права любя.

Но, пылко стремясь к активным действиям, Байрон крайне нечетко представляет себе цели борьбы. При наличии ряда высказываний, воспевающих республику как строй наиболее равенства, у него нет четкого политического идеала, а когда он пытается набросать его («Остров»), то приходит лишь к утопической руссоистской идее возврата к природе. Байрон хорошо знает то, против чего борется, он сильнее всего там, где клеветит мракобесие и деспотизм, где признает социальную несправедливость на поэтический суд для вынесения ей обвинительного приговора, но мощное отрицание прогнившего буржуазного мира, основанного на лицемерии и насилии, в сатире и эпиграммах Байрона не сопровождается положительным идеалом будущего социального строя.

В поэме «Паломничество Чайлда Гарольда», доставившей Байрону необычайную известность, образ героя дан еще в наброске. На фоне эзотических пейзажей и ярких путевых картин мы видим потомка герцога Вертера и Рене Шатобриана, который скорбно и пассивно созерцает современную ему жизнь, вспоминая о величии прошлого. «Чайлд Гарольд» показывает еще только эстетического бунта, эстетического неприятия грязного мира торжества и эгоизма.

На втором этапе творчества, в романтических «восточных поэмах» («Корсар», «Гауру», «Лара» и др.) Байрон отказывается от бессознательности своей первой поэмы и от пассивности «Чайлда Гарольда». Герой «восточных поэм» — могучая, острейшая инди-

видуальность, порывавшая с обществом, ушедшее от него в порыве бунтарства или изгнание ханжеской цивилизации. Нагой и откровенный, он ищет себе места в эзотическом мире страстей — на Востоке, как Гауру, отоварившись паратами, разбойниками, как Конрад («Корсар»). Но у этих «благородных разбойников» нет уже республиканского идеала их предка — шильонского Кальва Муора. Их бунт лишь четкой пошлой (Лара) и сводится к индивидуалистической борьбе против лицемерной морали буржуа, которой в качестве высшего блага противопоставлена свободная любовь. Герой Байрона периода восточных поэм — враждует с обществом, он мучим, стоек, непреклонен до конца в этой борьбе, но эстетский и эстетический бунт его бесплоден, и в конце концов он оказывается одиноком в своей гордыне «сверхчеловека». Индивидуализм этих бунтарей против эгоизма общества зачастую проявляется тоже как своеобразный эгоизм.

Образ героя «восточных поэм» является ступенью к самым революционным образам байроновской поэзии, Манфреду и Кайну. Манфред, повелевающий таинственными силами, и Кайн, сказавший в неутомимой жажде знания: «В мире я — ничто, но мысли, что рождаются во мне, могли бы вылететь вселенной». Манфред бросает вызов смерти, Кайн — богу. Кайн не преклоняется ни перед богом, ни перед Люцифером, ему отравительной скорбью и смиреннее перед грозной силой деспота, парящего над миром. Богоборен — он встает против несправедливости «всегообщего», творит лишь зло, создавшее страдания и смерть, против несправедливости миротворца. Неприятный дух человека не может примириться и несмотря на то, что поэмы «Манфред» и «Кайн» — высшее выражение не только байроновского протеста, но и байроновского пессимизма, несмотря на то, что, как путевых картин мы видим потомка герцога Вертера и Рене Шатобриана, который скорбно и пассивно созерцает современную ему жизнь, вспоминая о величии прошлого. «Чайлд Гарольд» показывает еще только эстетического бунта, эстетического неприятия грязного мира торжества и эгоизма.

Байрон постепенно отходит от образа романтического бунтаря, в его творчестве все сильнее сказывается реалистические тенденции, коренившиеся в его сатире и гротеске сатиры сцене жизни буржуазно-аристократического общества. Байрон срывает с этого общества покровы лицемерия и

взвешивает отдельные события современности (как в сатире) переходит к широкой сатирической и реалистической эпопее с тем, чтобы описать действительность во всем ее многообразии. Так появляется «Дон Жуан» — монументальное произведение, байроновский шедевр (по словам Пушкина) и вместе с тем — последний этап эволюции героя великого поэта. Дон Жуан уже не бунтарь, не рыцарь разума, он неслыхо приспособляется к обществу, к нравам Испании, Греции, Турции и других стран, которые он посещает, попутно в основном маршруте Чайлда Гарольда. Чайлд Гарольд и Дон Жуан — два полюса в эволюции байроновского героя. Оба они пассивны. Но осуждая жизнь современного общества пассивность Чайлда Гарольда — первый шаг к разрыву с ним и романтическому бунту, а пассивность Дон Жуана — первый шаг к примирению с действительностью и отказ от бунта.

Тенденция к примирению в творчестве Байрона основана на нечеткости его политических воззрений и подготовлена бесплотностью бунта романтического героя, расширением конфликта героя и общества до космических пределов (Кайн, Манфред), а также тем, что Байрон крайне противоречив в решении проблемы: что избрать — наслаждение и отказ от борьбы или борьбу и отказ от наслаждения. Характерно, что у Дон Жуана примирение с действительностью происходит именно на основе телесных, безаппетитных эротических отношений к жизни, начало которому положено в «Сар-лапалле». Но в основном тенденция к примирению определяет анархо-индивидуалистический характер байроновского протеста. Именно этот тенденция имела в виду Маркс, говоря, что «Байрон превратился бы в реакционного буржуа, оставаясь он жить дальше» (об «Маркс и Энгельс об искусстве» — стр. 138—7, отрывок Маркса со слов дочери — Элеоноры Маркс). Но эти слова нельзя понимать как отрицание революционно-романтического творчества Байрона, нет, Маркс говорит именно о тенденции, которая, однако, не успеха проявиться как мировоззрение. В данном случае герой Байрона обочая в примирении самого поэта, который умер как бунт.

Да и тот же «Дон Жуан» двойственен, ибо наряду с героем-гелюстом он содержит в себе замечательные по реальному и остроте сатиры сцене жизни буржуазно-аристократического общества. Байрон срывает с этого общества покровы лицемерия и

он бичует продажность буржуа и повсеместный пропойщизм — от азиатского двора султана и восточной империи до английской олигархии, прикрывающейся парламентскими «собраниями». Не следует также забывать, что «Дон Жуан» явился одним из первых реалистических романов XIX века, когда революционной была сама форма романа-сатиры в стихах.

Поэзия Байрона оказала исключительно влияние на литературу Италии, Франции, Германии и особенно России своим пафосом свободолюбия и ненависти к тирании. Господствующий класс Англии сохранил и по сегодняшнему день враждебность к поэту, которого они травили при жизни. Буржуазная критика снижает значение творчества поэта, сводя его к «мировой скорби», т. е. оставляя за бортом сатиры и политическую поэзию Байрона и объединяя поэта с реакционным романтиком Шатобрианом. Английские буржуазные литературоведы клеветают на поэта, выдумывая «биографические» сенсации и осмеивают даже отрицательную поэтическую одаренность Байрона. Характерно, что прах Байрона не был похоронен в Вестминстерском аббатстве, где погребены знаменитые писатели Англии, а даже в 1924 году, когда исполнилось столетие со дня смерти поэта, его ступню не установили в склепе поэтов».

Подлинным наследником революционного творчества великого английского поэта является победивший пролетариат. Мы не забываем анархического индивидуализма Байрона, но нам близок и дорог его страстный порыв к свободе, смелость мысли, блеск сатиры и замечательное поэтическое мастерство.

Сейчас, когда испанский народ обороняет свою независимость от фашистских агрессоров, невольно вспоминаются те строфы «Чайлда Гарольда», в которых с восхищением описана героическая борьба испанского народа против наполеоновской интервенции и воспева храбрость испанской женщины. Поэт, который сказал в свое время об Испании, что ее судят сейчас своим свободой, оказывается по-новому близким советскому читателю своей глубокой верой в конечную победу народного мужества.

И да нас, патриотов социалистической родины, с особой силой звучит предостережение боевой завет поэта:

«За славный край Иди на битву с силой мужа И жизнь отдай».

О ПСЕВДОНАРОДНОСТИ

Еще в 1936 году ученики 5-го класса изучали литературу по учебнику В. Голубкова и Д. Мирского.

★
О. ВОЙТИНСКАЯ
★

Книга эта обучала учеников, что советская литература состоит из М. Горького, Д. Бедного, Д. Фурманова, А. Неверова и А. Жарова.

Ученики обязаны были знать, что «пропаганды» Жарова написаны «стихами» в отличие от рассказов Горького, Неверова и других произведений, написанных прозой.

Уже не ученики Мирского и Голубова, и ученики не обязаны заучивать весь этот водор. Однако до сих пор у нас нет умных и дальних книг по истории советской литературы.

Научные институты, кафедры по литературе в вузах очевидно полагают, что создание истории советской литературы — дело не острое и может подождать, а союзы советских писателей заняты бесконечными заседаниями по организационным вопросам, так что ему не до истории.

«Литературный критик» называется журнал «литературной теории, критики и истории литературы», но нетрудно доказать, что как раз вопросы теории, критики и истории литературы журнал занимается крайне неудовлетворительно.

Особенно немощен журнал в вопросах истории советской литературы. В 12-м номере «Литературного критика» за 1935 год напечатана статья Корнелия Зелинского «Вопросы построения истории советской литературы».

Статья эта — яркий образец того, как не надо писать историю советской литературы.

Есть у Чехова замечательный рассказ «Душечка».

Героиня рассказа всегда говорила чужие, заученные слова. Была она женой антрепренера и говорила о театре, стала женой леопольдшиной — и стала толковать о леопольде.

Но вот осталась Оленька вдовой и оказалась в трагическом положении. Своих мыслей у нее не было, а выражать мысли она чувствовала физическую потребность.

«А главное, что хуже всего, у нее уже не было никаких мнений! Она вела кругом себя предметы и понимала все, что происходило вокруг, но ни о чем не могла составить мысли и не знала, о чем ей говорить, когда кто-то ей задавал незнакомый вопрос».

Видно, например, как стоит бутылка, или идет дождь, но для чего эта бутылка или почему идет дождь, сказать не можешь.

Всем этом знающему есть одна вредная привычка, которую можно назвать Зелинским. Зелинский пытается угадать читателя, что образ русской отсталости «красной нитью» проходит сквозь всю русскую литературу.

«Этот образ, пишет Зелинский, преобладающий в нарицательных прозвищах: «дуловщина», «растеряевщина», «курочина», а когда писатель захотел дать какую-то петицию своей стране, как знаменитая «птица-тройка» Гоголя, символизировавшая Русь, мчащуюся в неведомое, он забывал, что в проку-то он поселился... Чичикова.

Синтетический образ русской отсталости — «Обломов».

Так «Литературный критик» любезно предоставил свои страницы для пропаганды бухаринской клеветы на русский народ, идеи Бухарина в вопросах построения истории советской литературы.

Статья Зелинского печаталась в дискуссионном порядке в высшем учебном заведении, но не записаны о своей крупной политической ошибке. Не любит самовольничать товарищи из «Литературного критика».

Более того, в 1937 году в 11-й книжке печатается статья С. Петрова о Д. Бедном, статья в основе своей ошибочная и политически вредная.

С. Петров пишет о человеке, в ряде произведений клеветавшем на свой народ: «Творчество Демьяна является плодом от плоти народа, голодом самого народа и этому его качеству, оригинальности его творчества не может не позавидовать каждый истинный художник».

Более того, С. Петров утверждает, что «Демьян Бедный отражает особенности именно русской революции, о нем можно в полном смысле сказать, что он не только народный, но и национальный поэт».

Корнелий Зелинский со страниц «Литературного критика» провозглашал, что «синтетический образ русской отсталости — Обломов».

оним порядке и впоследствии журнал ни разу не записаны о своей крупной политической ошибке. Не любит самовольничать товарищи из «Литературного критика».

Более того, в 1937 году в 11-й книжке печатается статья С. Петрова о Д. Бедном, статья в основе своей ошибочная и политически вредная.

С. Петров пишет о человеке, в ряде произведений клеветавшем на свой народ: «Творчество Демьяна является плодом от плоти народа, голодом самого народа и этому его качеству, оригинальности его творчества не может не позавидовать каждый истинный художник».

Более того, С. Петров утверждает, что «Демьян Бедный отражает особенности именно русской революции, о нем можно в полном смысле сказать, что он не только народный, но и национальный поэт».

Корнелий Зелинский со страниц «Литературного критика» провозглашал, что «синтетический образ русской отсталости — Обломов».

С. Петров поспешил объявить автора политически двурушничавшим, да еще и отрицающим особенности Великой социалистической революции в России.

После таких открытий не стоило большого труда вычислить, что некая «муза» «писала и печатала» первоначально в Демьяне Бедном, и в этом отношении Демьян с историко-литературной точки зрения.

В маниловском полете воображения С. Петров готов даже, вопреки здравому смыслу, уверить читателя, что «Демьян более решительно, чем Крылов, выражал народный характер». Почему исток из «Литературного критика» так несправедливо приписывает Демьяну Бедному? С. Петров видит народность Бедного в грубости, в нарочитом примитивизме демьяновской поэзии.

Уже двадцать лет существует советская страна, огромные массы народных масс поднялись к управлению государством. Но до сих пор среди части литераторов гуляет теория, что для народа надо писать примитивно; мол, народу не до поэтических красот.

В основе этой псевдонародной теории лежит глубокое неуважение к советскому читателю, барское похолодание его по плечу. Это — буржуазное иррациональное и трудное отношение к существованию, которому якобы настоящее искусство не доступно.

Согласно этому представлению, с человеком из народа надо обязательно говорить надуманно опрощенно, нарочито грубым голосом. Так в годы гражданской войны некоторые буржуазные девушки, вранды в комсомол, считали своим гражданским долгом по неделям не мыться, говорить заорные слова и заляпывать курить. Во всем этом была раздражающая фальшь.

Мы глубоко уверены, что С. Петров «для души» читает Блока, а народу рекомендует Бедного. Его, презренного мелкобуржуазного интеллигента, умилает псевдонародная «эзопика» Бедного, то что Демьян Бедный якобы говорит «как рядовой человек из народа, совершенно не искусственный в области научного анализа социальных явлений».

И он готов признать Бедного народным поэтом, потому что в его представлении народ — это нечто в своем, примитивном мышлении и чувствовании.

Продолжая за холмом рассуждений автора статьи о Демьяне Бедном.

Основным критерием является народность! Теперь все статьи являются народными. Написать статью, не упомянув о народности, стало столь же неприличным как, скажем, голому выйти на улицу. Термин «народность» вошел в список слов, обязательных для каждого критика, претендующего на ученость.

Но что такое народность? Белинский говорил о народности писателя: «созданных для искусства, дышащих для одного его и уничтожающихся вне его».

выонде выражающих и воспроизводящих в своих изящных соданиях дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизнь которого они живут и духом которого дышат, выражающих в своих творческих произведениях его внутреннюю жизнь до сокровеннейшей глубины и бияния». Это замечательное определение народности не мешало бы знать некоторым нашим литераторам.

Наряду с прекрасной социалистической литературой у нас еще блуждают псевдонародная беллетристика, псевдонародная поэзия.

Когда-то ложноклассицизм возводил в принцип эстетики украшение природы. «Подлая проза» жизни якобы облагораживалась в искусстве. Риторические монолиты персонажей и реплики автора должны были заменить естественные человеческие переживания.

Псевдонародная литература представляет своеобразное аллюстико-ложноклассицизма в советских условиях.

Псевдонародная литература подменяет политическое искусство литературной имитацией. Эта попытка «облагораживания жизни» жалка в сравнении с поэзией социалистической действительности. Как много смех, слезы и слезы у нас выдвигает за литературные произведения.

Псевдонародная литература принимает и облекает дела людей сталинской эпохи. Демьян подлинный народный масс за имени Ленина — Сталина рисуется раздражающе любознательным красками. Народ предстает в таком изображении как грубая, безликая примитивная масса.

Теоретик «Литературного критика» утверждает, что «дутовому витийству» политических деятелей... «рабочие, солдаты и крестьяне, ведомые большевиками, противопоставили примитивные, т. е. простые и правильные формулировки».

Поэзия Демьяна отражала эту историческую ситуацию, демонстративно выводя правду в ее простом, порой умышленно грубом и элементарном виде, так что любой дед Софрон или «кухарка» могли ее понять и повторить».

С. Петров готов уверить, что стиль Бедного — это стиль большевизма.

И в этом чудовищном искажении исторических фактов сказались явное неуважение автора статьи к народу.

Марксизм-ленинизм ведет неустанную борьбу против фетишизма слова, против шапана псевдоучения.

Неуязвима красота произведений Ленина и Сталина — в их исторической правдивости, в гениальном историческом провидении.

Есть простота гениальности и есть примитивная отсталость. В разговоре с Горьким Ленин сказал о Демьяне Бедном: «Грубая». Идет за читателем, а надо быть немножко вперед».

Ленин видел величайшую опасность для Демьяна Бедного как раз в том, в чем историк советской литературы из «Литературного критика» видит его народность и силу. Со времени разговора Ленина с Горьким прошло немало лет. За эти годы народные массы под руководством большевистской партии построили социализм, они неустанно шли вперед, а Демьян Бедный деградировал как поэт, написал «Слезы с печки», «Богатыри» и оказался далеко позади читателя. С. Петров пытается уверить читателя, что «Богатыри» — не органический порок Демьяна, как утверждают некоторые критики в пылу своих обличительных филиппик против «Богатырей». Ну, кто сейчас читает Бедного? Его книги стоят на библиотечных полках, забытые читателем. Классика мировой и советской литературы прочно вошли в быт трудового человека, формируют его эстетические вкусы.

Мир социализма возрождает классическое искусство к новой жизни. Социализм впервые дал народу Шекспира и Пушкина, Тургенева и Гоголя.

Революция дала мировое искусство Горького, возросла Маяковского, раскрыла человечеству языческую поэзию Джазбула и Стальского. Крепнут и музуют прекрасные таланты в нашей стране. И мы не нуждаемся в скидках на «бедность» в определении путей развития истории советской литературы.

«Полежаев», — писал Огарев, — заканчивает в поэзии первую неудавшуюся битву свободы с самодержавием».

Но литературное наследие Полежаева не исчерпывается политическими стихами и поэмами. Ему принадлежат несколько десятков замечательных стихотворений и янтинской любовной лирики.

Белинский высоко ставил поэтический талант Полежаева. Он считал, что из всех поэтов, явившихся в первое время после Пушкина, исключая гениального Грибоедова и чрезвычайно выдающихся и до стойнее внимания и памяти Полежаев и Веневитинов... «Отличительную черту характера и особенно поэзии Полежаева», — писал Белинский, — составляет необыкновенная сила чувства, свидетельствующая о необыкновенной силе его натуры и духа, и необыкновенная сила сжатого выражения, свидетельствующая о необыкновенной силе его таланта».

Немало было попыток фальсификации творчества Полежаева, — изображения его поэтом скорби, отчаяния и покорности судьбе. В падении стихов Полежаева, выпущенном издательством «Академия», эпитафией к вступительной статье пиновалась только одна полежаевская строка: «Жизнь страшнее ста смертей». Вырванная из контекста, она давала совершенно превратное представление о политическом и философском взглядах поэта.

В контексте стихотворения «Арсенат» она звучит совершенно иначе. Обращаясь к своему другу Лозовскому, Полежаев писал: Прощи... И согласись, что если средства не спастись От угнетения и нещеп. То жизнь страшнее ста смертей. И что свободный человек Свободно кончить должен век... Философская основа этих стихов близко напоминает философию французских материалистов. Адам Полежаева был также результатом их влияния. Буржуазные литераторы приспосабливали Полежаева фатализм, мистику и даже религиозность. Им помогала в этом царская цензура, которая запрещала или бесцельно вымарывала все «крамольное» и антирелигиозное в стихах поэта. Чтение полных текстов и впервые после революции опубликованных стихотворений убеждает в атеизме поэта и его неприятии к церковникам, которых он называл «мохнатыми шельмами в хомутах».

Восстановившая текст полежаевских стихотворений, испорченных царской цензурой, открытая и расшифрованная неизвестные, в свое время зашифрованные самим поэтом и иногда не печатавшиеся стихотворения, советское литературоведение позволяет воссоздать образ поэта — неважно свободный и неважно к угнетателям, атеиста и антицерковника.

М. ПАРХОМЕНКО

«Смена зимовщиков» (снимок в честь приезжающих) — картина художника А. Меркулова для юбилейной выставки «Индустрия социализма»

Личность Суворова

★
К. ОСИПОВ
★

Наружность у Суворова была неказистая; по выражению одного автора, чин его был «по делам, но не по персоне». Он был ниже среднего роста, сухощав, немного сутуловат. Лицо его имело овальную, слегка продолговатую форму и отличалось чрезвычайной выразительностью. К старости на нем было очень много морщин. Лоб высокий, глаза большие, голубые, искривленные умом и энергией. Рот был небольшой, приятных очертаний, по обе стороны его шли глубокие вертикальные складки. Ресницы, седые волосы заплелись на затылке в маленькую косичку. Все фигура, взгляд, слова, движение — все отличалось живостью и простотой, не было солидности и важности, которые его современники привыкли считать обязательным атрибутом крупного деятеля.

Разрыв с общепринятым типом выдающегося человека возрастал все больше по мере ознакомления с манерами и образом жизни Суворова. Он спал на покрытой простыней охапке сена определенной вышины и окружении, укрываясь вместо одеяла плащом. Вставал в 4 часа утра, причем спал было только часов три, а на ноги, если он проспал, одевался он очень быстро, неизменно обдавая вставившуюся одежду. Шубы, перчатки, куртки, шафирока или никогда не носил; всегда на нем был мундир, иногда плащ, а в жаркие дни частенько просто исподнее белье.

Выпил несколько чашек чаю, он упряжился около полудня в бега или гимнастике, потом принимался за дела, а в свободное время признавал что-нибудь читать. Обедал в 8-9 часов утра; за столом бывал весел и разговорчив; присутствовало же обедом обычно около 20 человек. В пице Суворов был очень умерен, строго соблюдал посты, фруктов и сладкого не ел. После обеда он охотно спал. За обедом выпил рюмку минеральной воды и стакан кипрского вина, но и напитков никогда не злоупотреблял. Он не курил, но нюхал табак.

Во всех своих привычках Суворов был необыкновенно скромен. Не говоря уже о предметах роскоши: картинах, сервизах, нарядах, он лишил себя даже элементарного комфорта. Ездил он всегда в самой простой тараталке или на перной пошевняке гадячий лошадей, одевался в добротные, но грубые ткани, пользовался самой простой мебелью и т. д. Все это составляло резкий контраст с царившей в XVIII веке безумной роскошью.

Суворов не любил игр и забав, дорожа каждой минутой для занятий. «Труднобывающая душа должна всегда заниматься своим ремеслом», — заметил он однажды. Вероятно из этих же соображений Суворов редко посещал балы и вечеринки, но если попадал туда, то бывал очень оживлен, много паясал и уже в глубокой старости хвалился, что танцевал контраданс три часа кряду. Он всех заражал своей живостью и больше всего не терпел «ошалости» (сонливости, вялости).

Несмотря на то, что он десятки раз принимал участие в рукопашных битвах, мускульная сила его была очень невелика. К концу жизни он так ослабел, что сгибался под тяжестью сабли.

Вообще от природы он был слабого здоровья, и только непрестанная тренировка, сарматский режим и стальная сила воли позволяли ему переносить непрерывные физические и нервные напряжения войны.

Окружающие знали его отходчивость, добротность и добродушную нежность и часто угадывали их в своих интересах. Чувствительный обидчивый его или разрывали своей нежностью и небрежностью; азиатские опунты или его сетью взаимных интриг, по-казывали ему пристрастное распределение наград, играли на всех его слабых струнах, благодушно не вторгались только в чисто военную сферу, где, как им было известно, полководец не терпит ничьего вмешательства.

Вряд ли Суворов не замечал всех ухищрений и интриг, размышлявших вокруг него. Скорее всего он просто не придавал им значения, не считал их достойными того, чтобы отвлекать ради них от военных дел. Иногда он наблюдал за ними с добродушным любопытством. Его упрямый, Матвей, задержал однажды отсылку коровы, чтобы пользоваться ее молоком; в другой раз он же долго не отправлял лошадей. Суворов напомнил ему о лошадях: «Ведь от них молока нет».

Характерным во всем проявившимся свойством его была безыскусственная простота. Обезьяна в Финляндии в скромной позе пограничные крепости, он встретился с мчавшимся фельдшером. Не узнав в белом одетом старике знаменитого графа Суворова, тот гаркнул что-то и хлестнул графа вайткой. А дьявол в бешенстве хотел остановить фельдшера, но Суворов закрыл ему рот рукою.

— Тыше! Курьер, помилуй бог, дело великое.

не письма перед своим именем. Недалеко еще было то время, когда принято было, подражая цезарей и лукаво-живой манере, называть себя «цезарем» и подписываться только уникальным именем. Этот патриархальный обычай наложил свой отпечаток на Суворова. Очень характерно письмо, отправленное им секретарю князя Потемкина Погову, когда юный Суворов ездил представляться могущественному фавориту. «Посылаю при сем моего мальчишка. Представьте его Светлейшему Князю, пожелайте ему, чтобы он Его Светлости поспешил поклониться, и ежели может быть удостоен, поцеловал бы его руку. Доклад Жан-Жаком! мы опрокинуты не были, цезарели мы у стариков только под!».

Таким образом, внешне-поборострастная манера никак не умирала человека в глазах Суворова. Доказательством этому служат то, что он всегда оставался по той точке зрения — против Потемкина, против Екатерины, против Павла I, против австрийского императора, словом, против всех, перед кем был земные поклонны. Другим доказательством может служить его откровенная, нелицеперная нескромность в разговорах; он сравнивал себя с Цезарем, проводил параллель между Швейцарским походом и походом Анибалом, заявлял, что он лучше Фридриха II, так как не проигрывал сражения, и т. п.

Это была явная, честная нескромность большого ребенка, далекая от ухаживания и игры самолюбия.

— Никогда самолюбие, часто производило многолетним порывом, не управляло моими действиями, — сказал про себя полководец, и его поступки не дают оснований усомниться в истинности этих слов.

Одним из основных свойств его натуры была глубокая, нерушимая бескорыстность. И здесь он представлял собой яркое исключение среди возведенной в принцип прележности екатерининских вельмож. Все искали, чем бы можно было поживиться, все воровали направо и налево. Кондотьерские нравы господствовали во всех армиях. Французы грабили завоеванную Италию, австрийцы — Польшу, турки пролапали задевшие пленных русских, русские разоряли турецкие области. От простого солдата до известнейших генералов вся армия участвовала в грабеже, и только Суворов никогда не взял ни одной вещи из бесценной добычи, которая досталась войскам в результате его побед. Когда же при вяти Турция ему принесли драгоценности бывшего сардинского короля, оставленные французами при успешном отступлении, он отказался считать их своей военной добычей и отослал эскоролю.

Суворов был одним из наиболее образованных русских людей своего времени. Он глубоко знал математику, историю, географию; владел немецким, французским, итальянским, польским, турецким, арабским, персидским и финским языками; был основательно знаком с философией, с древней и новой литературой. Военная эрудиция его была изумительна. Он проинструктировал все важнейшие военные книги, включая и Пугучка вплоть до его современников, изучил фортификацию и даже сдал экзамен на мичмана.

Облик Суворова останется незаконченным, если не отметить его поразительной храбрости. Десять раз он находился в смертельной опасности. Со своей тонкой интуицией он не мог оказать серьезного сопротивления неприятельским силам, но робость была далека от него. Он бросался влокляющая бойню, в самые опасные места, где почти невозможно было уцелеть, проинкутируя какой-то фаталистической уверенностью, что двум смертям не бывать. Известен рассказ о маршале Турене, которого охватывала нервная дрожь при сием виде и который однажды с презрением обратился к самому себе:

— Ты дрожишь, скелет? Ты дрожал бы еще гораздо больше, если бы знал, куда я тебя поведу.

Турень был любимым образом Суворова. Прибравшему после Оттавской битвы врачу Суворов не позволял переписать его руку, твердя: «Турень! Турень!», и только, когда разраженный врач замедлял, что Турень давал себя лечить, он поднимал руку в противоположность французскому маршалу, русский полководец, был мужествен и духом и телом. Ни разу его не видели в бою растерянными, поблещенным или задрожавшим.

И тем не менее Суворов, конечно, испытывал страх; его беспримерное хладнокровие было следствием самодисциплины, закалки организма и титанической усталости. Во время сражения при Нове, когда французы осыпали русских войско ураганом ядлер, Фукс признался Суворову, что бонит. Тот пристально посмотрел на него.

— Не бойся ничего, — сказал он, — держись только подле меня; я ведь сам трус. Невверно думать, будто Суворов всегда жаждал войны. Как бы ни были сильны в нем задатки полководца, он всегда считал войну бичом человечества. В Италии ему доложили, что один офицер помещался.

1 Руссо.

— Жаль! — промолвил он и после короткой паузы добавил: — Но время ли «сходить с ума сейчас, когда и вся война-хаос!»

Попытка набросать портрет Суворова встречает наибольшие трудности в свободности обрисовать странности полководца, заслужившие столь громкую и в большинстве невыгодную славу. Бесконечные выходы и экзентрицизм Суворова, особенно усилившиеся к концу его жизни, не удавались в общем мнении с предствлением о Суворове как о замечательной личности.

Однажды, когда полководец особенно много «чудил», соблюдая при этом величайшую серьезность, Фукс набрался смелости и прямо спросил его о причине такого поведения.

— Это моя манера, — ответил Суворов. — Слышал ли ты о славном комике Карлене! Он на парижском театре играл ардекиа, как будто рожден ардекином, а в частной жизни был презрительный и строгий правдивый человек; ну, словом, Катон.

Этот иносказательный ответ ценен прежде всего тем, что в нем признается народность причуд «манера».

Нет сомнения, что по самой сущности своей Суворов обладал глубоко оригинальной натурой. Долготельное пребывание рядового солдата усилило эти его склонности, развило в нем новые привычки, которые с точки зрения «высшего общества» в свою очередь рассматривались, как чудачество. В большинстве случаев эта оригинальность никак под фериуд общепринятых правил. Однако Суворов сознательно дал простор особенностям своей натуры.

Он выделял его из толпы незнатных, не блещущих ни ошанкой, ни светской ловкостью офицеров.

Он создавал ему популярность в солдатской среде.

Наконец, они создавали вокруг него такую атмосферу безначальности, представляли ему хоть какую-нибудь независимость суждений и действий.

С течением времени этот последний мотив сделался преобладающим. Известность его стала очень большой. Солдаты любили его за все причуд и, конечно, не за причуды, а за его военные качества, за то, что он не бросил их зря под пули, а вел кратчайшим путем к победе, деля с ними на этом пути все опасности. Но недоброжелательство вельмож росло по мере роста его славы, и Суворову все труднее становилось оставаться сою системе и свои привычки. В связи с этим он все чаще укрывался, как шквал, своим причудами.

— Я бывал при дворе, но не придворным, а Эпопом, Лафонтоном; шутками и звереным языком говорил правду. Подобно шуру Балакрену, который при Петре благодетельствовал России, кричался я и корчилась. Я тел петухом, пробуждал солнышек; я хотел бы иметь благодарную гордость Цезаря, но чувдался бы его пороков.

Маска простота и чужака сослужила на раз Суворову службу. Но постепенно ее нечуждым распознали.

— Тот не хитр, кого хитрым считают, — говорил полководец, наивно радуясь, что все случил о нем как о безбрежном оригинале. На самом же деле опытные люди разгадали его уловку. Принц де-Линь именовал его Александром Дюноенвичем, а Румишцев сардонически заметил:

— Вот человек, который хочет всех уверить, что он глуп, и никто не верит ему. Мало-помалу принятая на себя Суворовым роль стала доставлять все меньше преимуществ; однако он уже слишком вжился в нее, чтобы под конец жизни менять свое обличие. Теперь, когда его славы никто не мог от него отнять, он мог позволить себе выразить свое отношение к людям и обществу в той форме, какая ему нравилась.

Этим он наносил себе большой вред, но Суворов вообще нередко жертвовал карьерой ради возможности сохранить хоть некоторую самостоятельность. А мнение высшего света он глубоко презирал, он стоял выше его, как это свойственно подлинно замечательным людям.

Оставаясь наедине с самим собой или будучи в обществе человека, которого он уважал, Суворов сбрасывал свою личину и становился простым, серьезным человеком, чуждым всяким гаскам.

То же случалось, когда ему приходилось представлять русскую армию на каких-нибудь торжественных собраниях. — Здесь я не Суворов, а фельдмаршал русский, — пояснял он однажды эту перемену.

Внутренняя жизнь Суворова оставалась загадкой для окружающих его. Недалеко до его смерти, в 1800 году, он сказал художнику Миллеру, писавшему б него портрет: — Ваша кисть изобразит внешние черты лица моего, но внутренний человек во мне скрыт. Я бывал мал, бывал велик. Ни страшные картины войны, ни личные невзгоды, ни постоянный холон внутреннего одиночества не могли заглянуть его человеческого достоинства и отступить его горячие, хотя часто ошибающегося сердца. Вспоминая моральный облик Суворова, хочется отнести к нему слова из одной эпитафии, посвященной когда-то другому великому человеку: Другие лучшими называея век хотяя. Он был век лучшим, чем казался.

Замечательный поэт

Сто лет тому назад, 16(28) января 1838 г., умер на 33-м году жизни затравленный Николаем I и его жандармами замечательный поэт Александр Иванович Полежаев. В прекрасных стихах безбрежно поглощавший поэзию, доблестно воевавший наравне с самодержавием. Он страстно призвал родину к борьбе за свободу. В поэме «Сашка», наиболее раннем из его крупных произведений, Полежаев пишет, обращаясь к отчизне:

Когда тебе наступит время Отступить в дикости своей, Когда ты свергнешь с себя бремя, Своих презренных палачей? Эта поэма была написана Полежаевым в 1825 г. Он учился тогда на словесном отделении Московского университета. Знакомство с западной философией и публицистикой раскрыло глаза Полежаеву на русскую действительность и завершило формирование свободомысленных идеалов поэта. Рисуя черты характера героя поэмы «Сашка», Полежаев так характеризует свой идеал:

Свобода в мыслях и поступках, Не являя судью никого, Ни подчиненности трусливой, Ни лицемерия ханжлив. А жажда волиности строптивой, И необузданности страстей! Судить решительно и смело Умом своим о всех вещах И глеть враждой закоренелой К мохнатым шельмам в хомутах!

В июне 1825 г. К Николаю, стремившемуся уничтожить остатки «крамоль», разбитой на Сенатской площади, поступает доклад. Докосник, шпион третьего отделения Бибиков, приводит цитированные нами строки Полежаева в доказательство того, что воспитанники Московского университета «не уважают закона, не почитают родителей и не признают над собой никакой власти». Ва доносом следует арест Полежаева, свидание арестованного с царем, известный предательский поветуй царя и определение поэта в полк унтер-офицером на беспрестанную службу. В первом же стихотворении, написанном после этой катастрофы, Полежаев осознает свое личное несчастье как следствие разгрома всего революционного движения в России:

Именила судьба... Навсегда речена... С самовластием борьба, И родная страна Палачу отдана. («Ветерная заря»)

Через два года, морально и физически истерзанный армейской службой, Полежаев бежит из полка. Но бежать, собственно, было некуда.

За побег военный суд лишил Полежаева дворянства, приобретенного в университете, и разжаловал из унтер-офицера в рядовые. Царь усилил этот приговор: Полежаев был разжалован в рядовые «без вы-

слуши», т. е. без всякой надежды на повышение либо на отставку. Он должен был служить, пока не свалится.

В 1829 году Полежаев — в действующий войсках на Кавказе. Именно туда Николай I обычно посылал умирять под пулями всех не согласных мириться с палачиным режимом самодержавия. В поэмах «Эрпелет», «Чир-Юр» и в стихотворениях «Мертвая голова», «Черная коса» и «

Театр-Кино-Музыка-Живопись

ВЕРНЫЙ СКОЛОК С ПРИРОДЫ

Кинофильм «Балтийцы» (режиссер Александр Файншммер, сценаристы Алексей Зиновьев и Ал. Штейн)

Наш кинозритель любит в искусстве революционно-героическое. Он настолько пропитан чувством советского патриотизма, что нередко прощает художникам промахи, если произведения их отвечают его главному чувству — чувству советского патриота. И если революционно-героическое в искусстве он склонен иногда любить и слабое произведение, например — «Федьку». Наш зритель относится с таким молодым и неуязвимым восторгом к эпохе гражданской войны, что режиссеру — крохотка и посредственность — бывает легко расположить его к себе.

Но большей частью вкус нашего кинозрителя заслуживает величайшего внимания и уважения. Этот вкус — замечательный корректор. Он поправляет нередко грубые промахи руководителей кино и владельцев, не оценивших значения некоторых произведений (например, «Чапаев» и «Как закалялась сталь»). Зритель нередко делает народными, любимыми те произведения, на оценку которых доверно промахнулись «официанты» и, так сказать, профессиональные оценщики.

Персонажи революционно-героического произведения быстро входят в быт. Со временем они становятся частью жизни, а уже ребята играют в них: на улице то и дело слышишь, как школьники пересказывают с восторгом содержание картины. И в самом деле, картина эта — один из наиболее удачных революционно-героических фильмов. Это произведение одно из значительных поступков значительных людей; оно способно вызвать в каждом из нас желание совершить во славу революции значительные поступки.

Одним из главных элементов таланта является умение выбрать тему, — не объект, а тему. Авторы «Балтийцев» выбрали тему превосходную. Нигде так не был олен и ревок анархизм, как в матросской среде. Анархизм этот угрожал существованию революции. Но большевизм — это сознательно-разрушительная и сознательно-созидательная революционная сила — организовал матросов, укрепил флот и привлек на свою сторону часть старого офицества, преданного родине и видящего в большевиках единственного и надежного ее защитника. В то время враги — внешние и внутренние (замаскированные контрреволюционеры) угрозы востания на фортах «Красная горка» и «Серая голова», угрожал Кронштадту, а с ним и Петрограду, а с ним и революции.

Матрос подавлен, революция торжествует шорох и слова. Три замечательных человека — старый командир «Гаврилла», комиссар и матрос трагически погибли на наших глазах. Они погибли, чтобы спасти флот. Сцена эта в фильме — потрясающая, ее хочется назвать величественной.

Кадр из фильма. Командир дивизиона Ростовец (заслуженный артист республики Б. Ливанов) с сыном Колей

потому что и режиссер, и сценарист, и актеры нашли в себе много огня, такта и вкуса, чтобы с достоинством оживить перед нами один из тех эпизодов гражданской войны, в котором отражено все величие нашего Октября.

Прежде всего, картина принесла нам приятное разочарование. Многие, в том числе и автор этой заметки, с чувством доверия покупали билет на этот фильм. Вкушая описание марксизма студии Балтийского. Не помню, чтобы под этой маркой выходили приличные работы. И вдруг мы увидели не только приличное, более или менее добротное произведение, но произведение вдохновенное, широкое, горючее. Чем дальше, тем все больше стали мы забывать о тех изъянах, которые замечали вначале. Там и диалог был иногда напряженным, неестественным (например, сцена в доме комиссара, когда он возится с мальчуганом) и фигуры беглых заговорщиков обрисованы несколько суетливо, гротескно, что умирало героям красных, а не подчеркивало его, как ошибочно предполагали авторы.

Но за исключением этих изъянов картина идет в превосходном тоне. Чтобы развить свой отличный вкус, автор «спрямляет» в действительные лица. Да, и командир, и комиссар, и его сын, и матросы увлекают, говоря словами Гоголя, наше внимание потому, что они правдивы и являются верными сколками с природы. Одна из труднейших и благороднейших задач искусства — показать прелесть, возрождение человеческой природы. Авторы в этой области хорошо поработали. Еще недавно некоторые матросы раздражались нас своей разнузданностью, новерным и глупым поведением, и вот они — великодушные дисциплинированные воины революции. Большевик обновил их, вызвал к жизни все лучшее в них. Превращение сделано в картине почти без натяжки, оно совершается закономерно, потому что это не выдуманное превращение, а подлинное. Оно — тоже верный сколок с природы. Именно так было в жизни; и правдивость рассказа увлекает нас. Пусть «Балтийцы» иногда напоминают другое кинопроизведение «Мы из Кронштадта», — это ничуть не умаляет достоинства картины, тем более, что в «Балтийцах» действие развивается естественно, а потому и более волнует.

Старого капитана миноносца «Гаврилла» играет Л. Вивьен. Он широко известен в Ленинграде, но московская публика с ним как бы впервые познакомилась. Великодушный лебедь! Темпераментный, но умеренно бережливый в мимике и жестах актер создал просто небываемый образ. Как мало сделал он движений, но как запомнилась каждая из них! Маленькая деталь — его фуражка, которая все время низко надвинута на лоб, — дала нам возможность сразу понять и воспитание и характер этого сурового, подтянутого и честного человека. Он спокоен и в гневе и в радости, он погибает с той же низко надвинутой фуражкой, такой же сдержанный, молчаливый, подтянутый. Да, нам ясен его характер; никогда его не смешалось с другим и долго не забудешь.

Многими нашими актерами, воспитанными советскими режиссерами и чудовищно умеренными в мимике и жестах, следовало бы внимательно изучить благородную и умную игру Вивьена, достигшего благодаря своей скупости. Ни одного промаха в его исполнении, а между тем в хорошем и талантливым исполнении В. Ливанова, играющего комиссара, также промахи обнаружить нетрудно. То тут, то там чувствуется лишняя жест, лишняя улыбка, кажут-то неуживчивость и даже стропилость роли, в общем разнузданной талантливости. Актер Кимт — слова (после «Чапаева») хорош. Выт из него промужик, когда он играл неудачные роли в неудачных фильмах и потому был неактуален. Это доказывает, что актер должен быть разборчивым и не брать любую подосунувшую ему роль.

Просмотрев «Балтийцы», зритель с уважением будет относиться к марку Восточку. А студия, надо надеяться, постарается сохранить его уважение.

С. ГЕХТ

«Беседа товарища В. И. Ленина с делегатом-дальневосточником Д. Д. Киселевым о положении на Дальнем Востоке. 1919 г.» Эта картина художника Е. Машкевича приобретена Государственной Третьяковской галлереей

В мастерской художника Е. О. Машкевича

Мы в мастерской художника Евгения Осиповича Машкевича. Собственно говоря, мастерской нет: в небольшой комнате штабелями сложены картины, привезенные с недавно закрывшейся выставки. Наиболее крупные полотна тов. Машкевича лишены возможности нам показать. Он раскладывает на полу фотографии. Но уже просмотры картины в оригиналах и репродукциях наглядно свидетельствуют о том, что это произведения серьезного, вдумчивого мастера. Художник поставил перед собой большую задачу — восстановить в живописных полотнах героическую эпопею партизанской борьбы на Дальнем Востоке.

К двадцатилетию Великой Социалистической революции Центральная дом Красной Армии открыл выставку картин художника Машкевича, где было представлено около 50 картин, посвященных 15-летию освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев. Сотни бойцов,

командиров, политработников, рабочих, учащиеся молодежи восстали эту выставку. В своих многочисленных отзывах они отмечали большое мастерство Машкевича, работы которого являются замечательными документами истории гражданской войны. Машкевич получил признание и среди художников (не всегда легко дает это признание профессионалы).

Музей Ленина, Третьяковская галерея, Музей народов СССР уже приобрели несколько картин Е. О. Машкевича. Семь его картин («Волочаевский бой», «Партизанские отряды занимают город», «Разружение моста в Ленинграде», «Разружение моста в Ленинграде», «Занятие Красными партизанами безлюдных мест», «Портрет маршала Советского Союза тов. В. К. Блюхера» и др. картины) на выставку «XX лет РККА».

— Сейчас я разрабатываю цикл картин «Ленин—Сталин», — рассказывает нам тов. Машкевич. — В этих картинах мне

хочется отразить не только главнейшие события в жизни Владимира Ильича Ленина, но и его идеи, за которые он боролся и за которые теперь борется продолжатель дела Ленина — Сталин. К 15-летию со дня смерти Ленина я думаю закончить несколько больших живописных полотен к специальной выставке. Темы картин: «Ленин в студенческие годы», «Ленин на конспиративной квартире», «Встреча Ленина со Сталиным», «Ленин в годы гражданской войны и мирного строительства», «Смерть Ленина», «Клятва Сталина», «Без Ленина, до ленинского пути, под руководством Сталина». Я приложу все свои силы, — говорит с волевым художник, — чтобы показать в ярких реалистических полотнах нашу замечательную эпоху и величайших вождей мирового пролетариата.

А. КОНСТАНТИНОВ

Новые картины

Свыше 300 художников Советского Союза готовят около 400 произведений живописи, графики и скульптуры, посвященных Красной Армии и Военно-Морскому Флоту.

Выезжающее в Ленинград жюри комитета выставки «20 лет РККА» просмотрело 87 картин ленинградских художников. Наибольшее количество картин посвящено эпизодам боевых действий Красной Армии в период гражданской войны. Таковы произведения художника Жаба — «Товарищ Ворошилов и Буденный руководят переправой Первой конной у Каховки», Серова — «Чапаевский штаб», Кочергина — «Бой с махновцами».

Мирному строительству Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота посвящены полотна художников Лобачева «Бойцы слушают доклад товарища Сталина о Конституции», Дроздова — «К. Е. Ворошилов среди командных линкора «Марат», Бубликова — «Корабли

Балтфлота в кильватерной колонне» и другие.

И сейчас В. А. Серов возобновил работу над большим полотном «Выступление товарища Сталина на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов». Картина, размером в 6 квадратных метров, будет изображать момент появления товарища Сталина на трибуне зала Вольного Крестьянского дворца. Сотни делегатов съезда стоят приветствуют вождя народов. Это картина В. Серов предполагает закончить в феврале.

Академик художник М. С. Самокиш закончил новую большую картину «Восстание казачьей гопоты на Запорожье в 1789 году».

На картине изображен момент нападения белых, так называемой «казачьей гопоты», на дома казачьих старшин. Академик передал свою работу Харьковскому Государственному историческому музею.

Оперы советских композиторов

Композитор В. Крюков заканчивает оперу «Станционный смотритель» по сюжету одноименной повести А. С. Пушкина. Автор либретто — М. Алперт.

Законченная композитором В. Юрским опера «Дума про Опанаса» (по одноименной поэме Эд. Багрицкого) принята к постановке в ГАБТ. Либретто — С. Городецкое.

Принята к постановке в театр им. К. С. Станиславского опера Л. Степанова «Пограничники». Либретто автора.

Композитор Сигизмунд Кац работает над оперой «Калигула» (по повести Пушкина). Либретто Г. Метта.

Н. Нариманидзе пишет оперу «Воспитатель» по одноименной повести А. Перетца. Либретто Ш. Дадияни.

Спектакли МХАТ СССР в Ленинграде

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). В Ленинграде объявлены гастроли МХАТ СССР им. Горького. Спектакли орденского театра будут происходить с 26 мая по 30 июня преимущественно на двух сценах — Выборского дома культуры и Кировского дома культуры им. Горького. В Ленинграде театр даст 84 спектакля (включая и утренники) и покажет 11 своих постановок: «Вишневый сад», «На дне», «Враги», «Синяя птица», «Ураг над степью», «Анна Каренина», «Земля», «Гроза», «Мертвые души», «Дни Турбиных» и «Смерть Паулины».

Трудящиеся Ленинграда проявляют огромный интерес к спектаклям МХАТ СССР. За восемь первых дней один лишь театр Выборского Дома культуры получил заявки на 106 тысяч билетов. Специально в гастроль МХАТ расширяется зрительный зал, увеличивается количество мест. Но при таком спросе на билеты оказывается тесным самое грандиозное театральное здание, театр Выборского Дома культуры — одно из крупнейших театральных зданий в Ленинграде, — за вычетом годовых мест и абонементов, сумеет выпустить в продажу не более 45 тысяч билетов (на 42 спектакля в этом театре).

Уже сейчас ряд предприятий обращается с просьбой — передать руководство и коллективу МХАТ СССР им. Горького продлить еще на некоторое время свои спектакли в Ленинграде.

Фестиваль совхозно-колхозных театров

Закончился фестиваль совхозно-колхозных театров Московской области. Всего было сыграно 16 пьес, на репертуарах классической и советской драматургии: «Снава» В. Гусева, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Воспокойная старость» Л. Рамзапова, «Мель» Н. Венестера, «Мать» М. Горького, «Нахлебники» И. Тургенева, «Недоросль» Фонвизина и «Хозяйка гостиницы» Гольдони. После спектаклей устраивалось обсуждение пьес. Зрители-колхозники признали фестиваль удачным.

На репетициях В Малом театре

С половины декабря в Государственном оркестре Ленина академическом Малом театре начались репетиции новой стихотворной пьесы В. Гусева — «Дружба», написанной на тему о героической Красной Армии.

Художник М. С. Варпех уже сделал эскизы оформления спектакля и приступил к изготовлению макетов. Музыку пишет А. А. Голубенцев. Ставит «Дружку» заслуженный деятель искусств К. П. Хожов. Ассистенты — А. П. Грузинский и В. П. Велихов. Репетиции еще не перенесены на сцену, но мизансцены уже разработаны. На все роли назначены двойной, а на некоторые даже тройной состав исполнителей.

Народная артистка Союза ССР В. Н. Пашенная, народная артистка Республики Е. Д. Турчанинова и артистка М. А. Кавуцковская будут исполнять роль старой учительницы Горюхиной.

Е. Д. Турчанинова рассказывает о своей работе: — Я хочу показать образ скромной и талантливейшей труженицы, честно и добросовестно выполняющей большое, ответственное дело, важность которого вовсе не склонна переоценивать эта скромная героиня, каких миллионы в нашей стране. Горюхина работает в школе и кроме того занимается с пограничниками в малейшей горюхе на Дальнем Востоке. Под маской внешней строгости и даже суровости эта женщина скрывает нежное, любящее сердце.

Вся жизнь старой учительницы проходит под знаком честного служения Родине — так же, как и жизнь тех героев-пограничников, которых она по праву считает родными. Недаром в мнуну величайшего душевного подъема она говорит: «Кто сказал, что я одинока? Мои сыновей не считать!»

Заслуженные артисты Н. А. Анненков и Н. А. Соловьев будут играть в пьесе «Дружба» роль Недрова. В этой же роли выступит и молодой артист, ученик школы Малого театра В. Н. Галопцев, впервые получивший ведущую роль в пьесе. Впервые выступит на сцене Малого театра артист К. И. Тарасова и М. И. Царев, с начала сезона приглашенные в труппу. К. И. Тарасова 10 лет проработала в театре-студии под руководством народного артиста РСФСР П. Н. Симонова, где она за последнее время с успехом играла Недрова в «Галахат и поклонники» А. Н. Островского и Элен Джонс в одноименной пьесе Трудящих. Сейчас артистка с радостным воодушевлением работает над образом Ольги Гинзатовой — советской девушки.

Артист М. И. Царев рассказывает о выполнении своей первой роли на сцене Малого театра и к тому же роль, непохожую на те, что он играл до сих пор.

— Мне точно, — говорит артист, — создается такой образ, который бы живо напомнил наших полных героев-пограничников и боевых командиров. Я ставлю себе задачей воплотить на сцене их характерные черты: скромность, спокойное мужество, находчивость в моменты опасности, беззаветную храбрость и верность долгу. — Тему друзей, красной нитью проходящую через всю пьесу, я стараюсь раскрыть не только как высокое чувство товарищества, но и как проявление морально-политического единства всего советского народа.

Спектакль «Дружба» Малый театр поставит доблестный Рабоче-Крестьянский Красноармейский драматический театр им. Красной Армии и приурочивает его к 15-летию Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Перед постановкой «Пограничников»

«Наша обязанность создать спектакль высокого патриотического чувства, спектакль, наполненный чувством горячей любви к нашей замечательной родине» — так резюмировал задачу К. С. Станиславский в своей первой беседе с режиссерами готовящейся к постановке в театре его имени оперы «Пограничники».

«Пограничники» — это первый спектакль на советскую тему в оперном театре имени Станиславского. Весь коллектив ясно сознает, что этот спектакль — серьезный экзамен на художественную и политическую зрелость театра. Он является как бы завершающим значительного этапа борьбы К. С. Станиславского за развитие на оперном искусстве истинно, русские и фальши, за правдивое воплощение образа. Автор оперы «Пограничники» молодой советский композитор Степанов. Действие оперы развивается в Таджикистане, в период борьбы с басмачеством.

На репетиции приглашались таджики, учащиеся театрального института, они детально рассмотрели перел К. С. Станиславским и коллективом театра свои песни, пляски и музыку, показывали и объясняли подробности и образы, знакомые с бытовым бытом тех времен.

К. С. Станиславский требует усиления темпов подготовки спектакля, заявляя, что весь предшествующий период работы театра на классическом репертуаре был по существу лишь подготовительным этапом.

Режиссер спектакля «Пограничники» И. ТУМАНОВ

«Очная ставка» в Камерном театре

Московский Камерный театр готовит к постановке пьесу Л. Шейнина и братьев Тур-«Очная ставка».

На днях артисты театра встретились с Л. Шейниным, который в беседе с ними подробно остановился на характеристике персонажей.

Желаю глубже проникнуть в образы, исполнители задавали автору много вопросов о жизненном поведении типов, о скрытых чертах их характеров, об их возрасте, взглядах, повадках.

Ставить пьесу и исполнять центральную ее роль — следователя Ларцева — М. И. Жаров. Театр предполагает показать премьерой 26 февраля.

Переписка П. И. Чайковского

В ближайшее время в Музее выходит книга П. И. Чайковского. Переписка с П. И. Юргенсоном, охватывающая период с 1877 по 1883 год.

Ряд писем содержит высказывания великого композитора о музыке. Все приведенные в книге письма публикуются впервые. Книге предпослано предисловие заслуженного деятеля искусств, композитора и музыковеда В. В. Асафьева.

А. ГУРВИЧ

ПОСТАВЬТЕ «ЧЕЛОВЕКА С ПОРТФЕЛЕМ»

Десять лет тому назад Алексей Файко написал свою пьесу «Человек с портфелем». Прочтите ее сегодня, и вы будете поражены продуманностью драматургии.

Сравнительно недавно мы увидели на сцене подуманных пеструю галерею остроумных врагов народа. Перед нами прошли шпионы, диверсанты, предатели, дружкины всевозможных мастей и пороков: материцы толки и ехидны, кровопийцы хищники и злодеяния смердяков, шалапы и хамелеоны, Иудушки и Смердяковы. Но как бы ни были разнообразны эти типы, они все равно остаются людьми, и именно их объединяет единственная и неизменная для них стимул — эгоизм. Я, я, я — с этого начинаются и эгоизм кончается все мысли и самого утонченного инстинктивного карьериста и пробающего себе путь простым топором ночного громилы и бандита. Недаром эти герои так часто оказываются перед судом общества на одной сцене подуманных в качестве незнакомых друг для друга сообщников и компаньонов. Недаром судящий тончайшие кружева интриг ловкий политический авантюрист вынужден бывает порой сам влезать в свои руки топор, чтобы довершить начатое хитро и тонко дело.

Герой пьесы Файко профессор Гранатов — лоденный европеец, аккуратный, точный, сдержанный, корректный, умный и сильный человек, умеющий мгновенно обогреть окружающих его людей. Подкупальность благородности, прямота, принципиальность, культура. Но вот драматург раскрывает перед нами подполье блестящего профессора, его вторую, скрытую, настоящую

жизнь. И мы видим неудержимого карьериста, подогнанного бешеным честолюбием и властолюбием, сметающего все на своем пути, видящего палача, убийцу. Свежий, чистый, выжужженный и, вероятно, надушенный профессор Гранатов хорошо организованными руками на полном ходу сбрасывает с пьесы последнего свидетеля и сообщника его контрреволюционных дел — Спержанный, корректно сохраняя почти полное расстояние и извещество, доводит он до самоуправления свою жену. С пифосом благородства наносит он смертельный удар своему старому учителю, прекрасному гуманному человеку и ученому.

С большим искусством показал Файко, в какие импозантные и даже строгие одежды может ридиться самая беспредельная подлость, самая оголтелая, разнузданная страсть карьериста.

Перечитайте разговор Гранатова с пришедшим к нему от имени аспирантов Тополевым, проследите за его расчленивой, коррумпированной любовью игрой с Зиной, и вы увидите, что его фальшивые монеты сделаны виртуозно.

Но Файко сумел не только показать, проследить, астигнуть взрослому своему изворотливому герою, он раскрыл закономерности, инерции, как сказать, саморазвития преступной деятельности стяжателя и эгоцентриста. Он показал, как бездушные, эгоистические страсти и преступные действия оплодотворяют друг друга, подталкивают, разжигают, усиливают. Человек, соглаживший раз и желаящий до конца скрыть свою ложь, должен лгать всю свою жизнь, должен стать пербором своей тайны, разрываясь на куски всякого, кто к ней приближается.

Файко глубоко понял природу своего героя, склад его души и ума. Гранатов при-

надлежит к тому типу людей, которые живут не мыслями, а умилостями.

Ледяным холодом веет от Гранатова. Как умеет он мгновенно воздвигать между собой и нежелательными, неудобными ему людьми глухую стену. Как умеет он лишать людей дара речи, сковывать, замораживать их, пресекать их попытки к сердечной беседе, наполнять их безнадельностью. Как умеет он придавать своим бездушным словам и жестам неопределенности и безотчетности. Он будет непринятным в своей формальной логике и последовательности, но это будет не беседа, не разговор, не признание, не открытие, а диалог или монолог. Это будет форма разговора, а не общения.

В пьесе есть следующий разговор между Гранатовым и его бывшей женой Ксенией: Ксения. — У вас есть сын, Дмитрий, вспомните — у вас есть сын.

Гранатов. Сумму, назначенную мною для Игоря, я, к сожалению, увеличил пока не смогу.

Ксения. Вель я прощу не денег, Дмитрий Ильич, не только денег!

Гранатов. Что же еще? Пауза. Ксения шатается... Прекрасная ремарка. Она могла быть найдена только глубоко чувствующим автором. Вель Гранатов продолжает разговор. Он спрашивает: что же еще? Казалось бы, можно ему ответить. Но что ответить Гранатову? Ксения просит не только денег, но и человечности к сыну, она вынуждена к чувству отцовства. И она наталкивается на полную невозможность вызвать эти чувства у Гранатова. Пройти к его сердцу невозможно. Уже после первой реплики Гранатова Ксения чувствует, что не может называть его просто Дмитрием и обращается к нему по имени Зиной. Равне не для того задал Гранатов свой логически последовательный вопрос, чтобы на него не последовало ответа, чтобы разговор был немедленно прекращен?

А свои «отцовские» чувства Гранатов обнаруживает позже, когда Ксения умирает, в сцене, которая является как бы высшей точкой кипения гранатовских страстей, где у этого человека вырывается, наконец, наружу его звериная ненависть к своей родине, его нищенская, фашистская филозофия борьбы и счастья. Раздраженный чрезмерной нежностью и хрупкостью Игоря, Гранатов больно стискивает в своих руках мальчика, трясет его и наступленно кричит не то сыну, не то самому себе:

«...Я тебе закажу. Я отточу свои зубы и причну тебе рвать ими самые крупные, сочные куски... Ты рожден в России, и ты будешь жить в России. Ты будешь бороться за жизнь в этой грязной, бесмысленной, жестокой, в этой проклятой стране... Я убью тебя, и ты должна стремиться стать матерью, в тебе самые зародыши всяких мавлов. Я обману твою душу и затяну ее грубой шершавой кожей. Ты будешь жить среди зверей, и ты должна стремиться стать матерью? О, ты будешь играть этими побрякушками, чтобы привлечь ими врага, а в нужную минуту ты сумеешь повалить его на землю и перерезать ему горло... Ты не будешь ощущать у меня душевных мук, сомнений и прочего вала. Ты будешь знать только голод, и ты научишься его жадно утешать. Я покажу тебе все средства, все приемы, все ухищры. Я уничтожу в тебе всякую жалость, я заставлю тебя любить самый запах крови. И я сделаю, сделаю тебя счастливым!»

Так покупается Гранатов на следующее поколение, чтобы усовершенствовать свой собственный образ. И он сразу же преступает к закалке, к ожесточению много сердца. Без всякой подготовки, внезапно и резко он сообщает Игорю: «Твоя мать умерла».

Когда, очнувшись от обморока, Игорь говорит о своем отце: «Он, конечно, может убит. Конечно, может, но эти мои слова определяют силу произведения Файко Драматургу действительно удалось показать не только самые преступления Гранатова, — это легче всего сделать, — но и то, что он может их совершать, больше того, —

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

ФАБРИК И ЗАВОДОВ

«ПЛАВКА»

(Литературная группа завода «Электросталь»)

«Плавка» за свое шестилетнее существование пережила и взволнованные моменты творческого подъема и времена упадка, меркантилизма и бездельности. Литературное объединение завода «Электросталь» имеет уже собственную историю и на этой истории можно учиться, как не надо вести работу с литературным кружком.

«Плавкой» долгое время руководил некий Т. Толпегин. О нем так и говорят: — Эвонарь.

Безопасный ярлык прилеплен электростальцам к имени этого руководителя. «Эвонарь» — это болтуны, смелый безответственный похвалу направо и налево, раздувающий лавровые венки гениальности с такой же легкостью, с какой он достает из кармана портсигар. Толпегин кружил модные головы, убеждая каждого, что он — высокая одаренность, что он — огромный художник, что слава ему также обеспечена, как, например, обеспечен обед по талону в заводской столовой.

И когда обобщенные люди приходили в многотиражку и их не печатали даже своя заводская многотиражка, они кровно обижались. За углом возникали разговоры о важном молодых дарований, разговоры о том, что какие-то «темные силы» не дают их благоухающим талантам расцвести и губят их на корню.

Был в свое время в кружке некто Подгорский — техник-плановик завода. Подгорский получил от Толпегина лавровый венок несомненно таланта прямо из первых рук. Подгорский немедленно шагнул на своей рабочей кружке.

Подгорский писал в свое время «свод Есенина». «Основы литературы», он изолировал себя от здоровой бодрой деятельности, от товарищеской среды и внаглую закрылся в своей честолюбивой, тщательно позолоченной рубашке Толпегина, скорлупе.

Мы спросили у литкружковцев, что стало сепаре с Подгорским, — пишет ли сейчас, что пишет? Никто ничего не мог нам на это ответить. О нем только товарищ иронически обронил:

— Теперь Подгорский отращивает писательскую бородавку.

Вот печальный, бесславный удел выдуманной, раздутой гениальности.

В литературной группе «Плавка» есть способные люди, которые хотят работать и имеют данные, чтобы работать в области художественного слова, — это: Т. Апухтина, Гладков, Розенталя, Бычков. С творчеством других нам не удалось познакомиться и поэтому от высказываний по адресу их мы пока воздерживаемся. Электростальцам нехватает толкового, авторитетного руководителя.

Требования литкружковцев очень скромные. Они хотят иметь хорошего, добросовестного руководителя, и это их главное право.

Заводская многотиражка обычно является первым другом для начинающего рабочего автора. Многотражка в большинстве случаев первая печатает произведения начинающих и по праву может именоваться литературным «крестным батюшкой» начинающего рабочего автора.

Редактор многотиражки «Электросталь» — тов. Тамбовцев А. М. В прошлом он слесарь. По профессии — инженер. На редакторском месте он только с октября прошлого года. Тов. Тамбовцев охотно печатает авторскую молодежь. Мы не собираемся хаять работу многотиражки с молодыми рабочими поэтами и прозаиками, но объективно заводская газета приносит молодым больше вреда, чем пользы. Тов. Тамбовцев, желая положительно охарактеризовать литкружковца т. Апухтина, говорит о нем так:

— В ноябрьский номер он в три часа четыре больших стихотворения написал.

Тов. Апухтин позже внес в это явление поправку, что стихотворения им были написаны... в три дня. Эта поправка газетная срочность толкает начинающего на сомнительный путь скоронаписательства и аврала, когда приходится вырывать газету в ущерб художественной ценности вещи.

О том, какого должна быть в будущем работа творческого коллектива «Электросталь» литкружковцев т. Розенталя говорят так:

— В своем кружке мы будем заниматься не только творческими делами, но там мы станем учиться, знакомиться с классикой, с великой и советской литературой. В кружке мы должны расти культурно. Если нам нехватает общей грамотности и кое-что из нас не знает еще, как расставить запятыя, то не надо стесняться и спрашивать, а следует пригласить педагога и поучиться грамотно писать.

Тонкий разговор. Н. ОСТРОВНОЙ

г. Могинск. «Электросталь».

НА СОВЕЩАНИИ СТАРОСТ ЛИТКРУЖКОВ МОСКОВСКИХ ЗАВОДОВ

На днях в редакции «Литературной газеты» состоялось совещание представителей литкружков ряда московских заводов. Они подробно рассказали о своей учебе и творческой работе и внесли ряд ценных предложений по улучшению руководства кружками.

Совещание пришло к выводу, что было бы очень полезно для начинающего автора систематически печатать в отделе «Литературная жизнь фабрик и заводов» критические образцы творческой продукции литкружковцев, появляющейся на страницах заводских многотиражек. И говорить нужно в этом случае на полный голос и без всяких скидок. Газете следует печатать в порядке обмена опытом материал о жизни наиболее интересных литературно-творческих кружков. Полезно показывать, как работают читательские кружки и заводские пропагандисты художественного слова в цехах.

Печатать нужно в газете обо всем, что говорит о культурном росте нашего рабочего читателя.

Литкружковцы резко раскритиковали журнал «Литературная учеба». Они заявили, что этот журнал ничего не дает тем, для кого он предназначен, — для начинающего рабочего автора.

— В его «учебе» нет системы, — заявляют литкружковцы. — Статьи о творчестве писателей-мастеров печатаются от случая к случаю, от юбилей к юбилею. Статьи эти в большинстве своем не серьезные, не авторитетны, а иногда и просто путают начинающего молодежь.

Совещание решило организовать в ближайшее время общезаводскую конференцию литкружковцев.

В Литфонде

Кто знает в наших издательствах такого писателя — драматурга Бориса Бобовича? Никто! Он уже несколько лет не заглядывает в редакции. Ему там делать нечего. Когда-то, очень давно, он написал пьеску «Свердловский анекдот» и издал сборник своих произведений («Навсегда»). После этого он навсегда замолчал, превратив все свои последние годы в скверный анекдот.

Он нигде не работает, ничего не издает. Членская книжка кандидата в члены союза советских писателей ему широко открыла кассу Литфонда.

В 1936 году Бобович получил две с половиной тысячи рублей.

После этого отшельничеством Литфонда, Бобович и в 1937 году регулярно, из месяца в месяц, получает субсидии от 300 до 400 руб.

Он совершенно не покоем на смренных, бедных родственниках, вынужденных кормиться за чужой счет. Ни скромности, ни робости, столь неотъемлемый черт прилежателей из классической литературы. Наоборот, он бывает и требователен и криклив.

Выдал Литфонд Бобовичу двухмесячную путевку на курорт стоимостью 1900 руб. Дал на дорогу 400 рублей. Но с курорта Бобович телеграфно запросил еще миллион 400. Ему отказали. Тогда он посылает телеграмму с требованием выдачи денег. Не помогает вторая депеша, он посылает третью. Литфонд не выдержал натиска и выслал 150 рублей. Бобович благополучно прибыл в Москву и... поддал заявление с просьбой выдать ему 400 рублей.

Кто и где читал произведения поэта Т. В. Чурилина? Кто знает его творческое лицо? Никто! В карточке Литфонда в графе «произведения» он сам не нашел в своем творческом архиве ничего большего, чем «ряд стихов в газете за 1932 год». И все! С этого времени Литфонд стал «содействовать творческому росту» поэта. Регулярно из месяца в месяц ему выданы пособия. За 1936 год выдала ему два с половиной тысячи рублей. В 1937 году еще с ежемесячно выплачивает 200—300 рублей.

За что? За какие такие заслуги?

Кто и когда разрешил содержаться за счет государства этих людей, никогда литературно не занимавшихся?

М. Бересткинский числится драматургом, членом союза советских писателей. Его произведения нигде не печатаются, давно нигде не ставятся, но Литфонд дает ему за год свыше двух тысяч рублей сула и свыше четырех тысяч рублей пособия.

Бышнему члену правления Литфонда М. Коганову выдано до 9 тысяч рублей, «про-

важку и поэту» Л. Гуминову 8.650 руб., в каком-то Бердникову свыше 2 тысяч рублей; не то драматургу, не то поэту — Е. Стырский щедро выдала и пособия, и сула, и путевки на курорты. Эти податки уже превысили восемь тысяч рублей, но о советская литература не обогатилась ни одним новым, пусть даже неудачным произведением этого поэта среди драматургов и драматурга среди поэтов.

Подкармливаются в Литфонде никому неизвестные, упорно молчащие «литераторы» — Иркутск, Костырев М., Неапо-Станишевский, Алоев-Тришин, Н. Равич, Рудман-Гудин, С. Соколенко и наконец супруги А. А. и А. Ф. Бек...

Обыкновенно, индифферентная точка в Литфонде, всяческое устройство лично благополучия — самая подходящая, мы бы сказали, «творческая» обстановка для этих пронырливых жучков, для литфонтовой моли.

Бездельники, приверженцы, нахлебники, они, однако, не сдают своего ружья. Весь свой досуг (а он у них безграничен) они посвящают особой деятельности.

Это они беспрестанно с кем-то шушукуются, это они беспрестанно добиваются премов...

Присмотритесь к ним! Ну какие же они инженеры или кандидаты в инженеры творческих дел? «Холодные саложники» от литературы!

Только работой Литфонда в наших руках, по словам М. Горького, «все еще жидут и воняют люди с психикой ненасытных потребителей, люди, которые, еще не успев осознать и пропитать данный им кусок, спрашивают: а еще, а завтра что будет?»

Они пролезают в литературную среду, лезут за чей-то хвостик, и по сих пор надеются завоевать славу ловкими комбинациями и групповыми связями, склочной и интригой, всем чем угодно, кроме труда и таланта.

Пора, пора пересмотреть их привычки в совете и решительно закрыть двери Литфонда для этих потребителей, усмиривших в литературе легкую наживку.

Есть среди литфонтовиков люди, добросовестно забывающиеся в своей «стальности». Литфонд своими поощрениями подталкивает эти заблуждения.

Многие из литфонтовиков безусловно найдут путь к честному заработку, если союз освободится от людей, не по призванию и не по заслугам носивших звание советских писателей, если Литфонд перестанет своим щедрыми поощрениями подталкивать надежды на легкую беззаботную жизнь у порога советской литературы.

Н. НАУМОВ

Черепашьи темпы

Традиционная типина рабочего кабинета мастого драматурга нарушена гудением треском нескольких «Искрустов» и «Ремингтонов». Листы печатающихся и книги готовых пьес зарождаются стоны и дышны. В приемной — озерды; режиссеры столчатых и периферийных театров дождаются выхода в свет новой пьесы...

Они вынуждены обращаться непосредственно к писателям, зная по опыту, что ни Весоюзный комитет по делам искусства, ни издательство «Искусство» не помогут им во-время приобрести нужную пьесу.

Авторы — К. Тренев, Н. Погодин и другие вынуждены были размазывать свои произведения, посвященные двадцатилетию Великой социалистической революции, вышедшим на кустарным способом.

Таким же путем «выпустили в свет» свою пьесу «Сынвоя» К. Фини. В издательство «Искусство» он сдал свои рукописи в мае прошлого года, а ее стелографическое издание появилось... лишь несколько дней назад.

Меньше месяца осталось до дня двадцатилетия Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота, а старое руководство Комитета по делам искусств и подведомственное ему издательство «Искусство» до сих пор ничего не сделали, чтобы обеспечить театры страны новым пьесами на юбилейную тему.

Комитет в некоторых случаях даже тормозил работу театров, задержав, например, разрешение на постановку новой пьесы В. Катаева «Шел солдат с фронта» в театре им. Вахтангова, на пьесу А. Первенцева «Кочубей» в Московском Камерном театре и т. д. Эти пьесы сейчас уже репетируются в театрах, но издательство «Искусство» до сих пор не озаботилось выпустить их хотя бы на стелографе — этот способ издания книг почти полностью дискредитирован практикой работы «Искусства». Вместо 5-7 дней, совершенно достаточных для выпуска стелографических изданий, — в «Искусстве», почти как правило, между датой подписи пьесы к печати и днем выпуска ее в свет проходит около месяца.

Чтобы достойно отметить двадцатую годовщину РККА, театры, клубы и самодеятельные кружки должны получить соответствующий репертуар не позже первых дней февраля. Между тем январский план сдачи стелографических изданий «Искусства» не выполнен на все сто процентов.

Зав. театральным сектором т. Богданов перекладывает ответственность за это на Главлит, но 17 января якобы задержавший разрешение на печать. Но документы Главлита свидетельствуют о том, что самый план работы издательства «Искусство» на 1-й квартал был им представлен в Главлит... 31 декабря, хотя Главлит своевременно предупредил все издательства о том, что их планы на 1-й квартал должны быть представлены на утверждение не позже 20 января.

Чтобы оправдать собственную неповоротливость, «Искусство» кивает и на Главлит, без виза которого оно книг не издает.

Одна из важнейших функций издательства — работа с авторами. И если бы эта работа велась действительно добросовестно и активно, то произведения, подготовленные им для печати и зашифрованные Главлитом, являлись бы достаточно апробированными в художественном и политическом отношении.

Сроки рецензирования авторских рукописей колеблются в Главлитперторме от нескольких дней до... года. Театральное управление Комитета по делам искусств, издательство «Искусство», Главлитперторм, — все эти организации созданы для того, чтобы ускорить процесс рождения пьесы, чтобы помочь советским драматургам в их работе.

Новое руководство Комитета по делам искусств, в ведении которого находится издательство «Искусство» и Главлитперторм, должно поставить своей ближайшей задачей — правильно и четко определять обязанности каждого и потребовать быстрого и решительного упорядочения работы.

Е. ПЕЛЬСОН
А. ОСИПОВА

Шакалы идут по пятам...

Евг. БЕРМОНТ

Как известно, золотоскатель, попав в какой-нибудь Клондайк, прежде всего огораживает участок, ставил на нем столб и этим самым показывал — здесь искать золото имеет право только я...

Также обещая кое-что хочет протащить и на Парнас.

Человек, скажем, написал сценарий о вятии Переконя. Зарегистрировал его в Управлении по охране авторских прав, он считает, что законный статус поставлен, тема вятии Переконя обнесена оградой, и искать здесь «золото» другим драматургам запрещено.

Пусть сценарий — дрянь, бред сивого мерина, ставить его не хотят даже в буйном отделе Канатчиковой дачи. Все равно — тема абонирована, жила занята... Если теперь талантливый писатель напишет замечательный сценарий о вятии Переконя, ему грозит обвинение в плагиате, судебный процесс, грязь, клевета, просяки какого-нибудь молодчика, грубо прущего в сапожники.

Следом за львом идут шакалы, по пятам победоносной армии волочатся шаки мародеров Драматург Каллер и режиссер Ромм создали превосходный фильм «Ленин в Октябре». Фильм епительно начал свое триумфальное шествие по экранам нашей страны, а шакалы уже хватают за пятки его авторов, мародеры стараются урвать хотя бы кусок славы и часть трофея...

Председатель Мосгорсуда возмущается. Он вылезал к себе сула. Как отменить это нежелое решение?

Судья оказался тонким законником. — Отменить решение в отсутствии заинтересованных лиц нельзя.

— Принять решение в отсутствии заинтересованных лиц можно, а отменить нельзя? — Так была ошибка... — Так сделать вторую ошибку для исправления первой...

Пока судьи ищут законного выхода из совершенного беззакония, разберемся в подробностях происшедших событий.

Еще в 1935 году Пацулина и Штейнбах написали сценарий «Гол семнадцатого». Хотя эта антиисторическая элементарная работа, смывавшая борьбу Ленина с Камениным, Зиновьевым и Тропкин, тогда же была отвергнута руководством кинопромышленности, авторы зарегистрировали ее в Управлении по охране авторских прав. Десять, значительный столб поставлен. Тема наша!

Когда же в газетах появились первые сообщения о фильме Каллера и Ромма, Пацулина и Штейнбах быстро настроили заявление: «Уже то, что дошло в газету, — писали наши золотоскатели, — позволяет нам утверждать, что сюжет фильма заимствован из нашей работы «Гол семнадцатого».

У Пацулина и Штейнбаха Ленин, вопреки историческим фактам, прямо с вокзала едет в Смольный. Сценарий Каллера, как известно, посвящен именно тому периоду, когда Ленин, приехав в Питер, оставался в подполье до появления в Смольном. Таким образом, сюжеты никак не совпадают.

Но наши золотоскатели исходят из своего завышенного стола.

— На сколько процентов использован наш сценарий, мы не знаем, — заявляют они, — томимые гонимой жаждой, — да это и не имеет решающего значения. Поэтому просим Управление защитить наши законные права как соавторов фильма «Ленин в Октябре»!

Детская библиотека им. А. М. Горького построена в Ждановском районе г. Горького на месте того дома, где родился великий пролетарский писатель А. М. Горький. Библиотека насчитывает 1200 юных читателей. На снимке: библиотекарь Н. А. Алексеева выдает книги юным читателям Славе Бычкову, Гене Жайбинскому и Володе Швердину.

Подготовка к 20-летию Красной Армии и Военно-Морского Флота

Ленгослитиздат выпускает к 20-летию Красной Армии и Военно-Морского Флота ряд художественных произведений. Подготавливается к печати сборник стихов и песен о Красной Армии, в который войдут произведения поэтов и лучшие образцы народного творчества.

Слан в печать сборник документальных очерков о Красной Армии — «Героические будни».

Выпускается сборник рассказов В. Лавренца «Повести о великих днях». В этот сборник включены известные произведения писателя: «Сорок первый», «Ветер», «Разлом».

Детиздат ЦК ВЛКСМ выпускает к двадцатилетию Красной Армии пять книг для детей.

Известный советский летчик-парашютист К. Кайтанов написал цикл рассказов «Мои прыжки».

Повесть В. Катаева «Я, сын трудового народа», выпущенная Детиздатом к двадцатилетию Великой социалистической революции, выходит вторым изданием с иллюстрациями Д. Шмарникова.

Детиздат выпускает также роман А. Первенцева «Кочубей», иллюстрированный художником А. Ермолаевым.

Для детей младшего возраста выйдут две книги: рассказ К. Рыжкова о пограничнике и его собаке «Караулка и Индус», иллюстрированная рисунками П. Соколова-Скяля, и сборник новых стихов о Красной Армии и Военно-Морском Флоте с рисунками С. Боим.

Союз советских писателей Украины выпускает большой литературный альманах, посвященный героическим действиям нашей славной Красной Армии и Военно-Морского Флота. В альманах будут помещены отрывки из произведений украинских писателей. Размер альманаха — 20 печатных листов.

Киевский окружной Дом Красной Армии и Военно-Морского Флота готовит два художественных вечера на тему: «Красная Армия в художественной литературе» и «Литературное утро для детей восточных».

С 10 по 15 февраля будут организованы встречи жемчужности с участниками гражданской войны, литературный вечер, посвященный памяти героев гражданской войны — Фрунзе, Котовского, Чапаева, Щорса. Вечере примут участие украинские писатели.

Издательство «Мистецтво» (Киев) к юбилею Красной Армии и Военно-Морского Флота выпускает ряд новых песен на слова украинцев поэтов. О большевистских полководцах, о жизни и быте бойцов, о связи Красной Армии и Флота с народом, о гражданской войне украинскими композиторами написано свыше 60 песен.

Чествование А. С. Серафимовича

Отмеча 75-летие со дня рождения А. С. Серафимовича, Дом советского писателя и Гослитиздат организовали 20 января юбилейный вечер.

Товарищи писатели и представители общественности тепло чествовали юбиляра. И. С. Нович сделал доклад о творческом пути 75-летнего мастера художественного слова.

Юбилейно приветствовали товарищи В. Кирпични, В. Ильенко, М. Серафимович, ленинградская работница тов. Гаврилова, бывший красногвардеец т. Черкасас, слесарь-стахановец т. Горбунов (от литературного кружка завода «Динамо» имени тов. С. М. Кирова), революционный писатель Китая — Эми Сю и испанский поэт Пля-Белтран.

Однотомник Ф. Шиллера

Ленгослитиздат выпустил из печати однотомник произведений Ф. Шиллера.

В однотомнике, за исключением прозы, вошли все важнейшие драматические произведения и подальшае большинство стихотворений.

Впервые на русском языке дублируются в обложке образцы ранней «бунтарской» лирики Шиллера.

Большинство стихов дано в новых, впервые печатаемых переводах. Однотомник выпущен тиражом 30 тысяч экземпляров. Цена 11 р. 25 к.

Рассказы испанских детей

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Редакция журнала «Чиж» и Лендетиздат устроили в Доме писателя им. Маяковского встречу находившихся в Ленинграде испанских детей с детскими писателями и учащимися школы одаренных детей при Ленинградском консерватории.

С большим вниманием были выслушаны рассказы испанских детей о героической борьбе их родителей за независимость республиканской Испании. Многие из рассказчиков были свидетелями боев, они носили на передовые позиции пину сражающихся отцам и братьям. С волнением вспоминают они свою родную страну, с ненавистью говорят о фашистах, разрушивших их жилища, оставивших сиротами тысячи испанских детей. Рассказы испанских детей записаны писателями и будут напечатаны в журнале.

Шеститомник А. С. Пушкина

Гослитиздат готовит новое, пятое по счету, издание полного собрания сочинений А. С. Пушкина в шести томах.

В этом издании будет заново пересмотрен ряд текстов, внесены поправки в отдельные произведения, исправлена хронология стихов, преимущественно лирического периода.

За исключением писем и деловых бумаг, в шеститомнике собраны все произведения Пушкина, в том числе не получившие окончательной обработки и сохранившиеся в черновиках.

Стихи

М. Л. Михайлова

М. Л. Михайлова — один из выдающихся русских поэтов — несправедливо обижена историей литературы.

В 50-х годах он был широко известен как блестящий поэт-переводчик. Глубокий знаток иностранной поэзии, М. Л. Михайлов первый познакомил русских читателей со стихами Томаса Гуда, Лонгфелло, Морриса Гартмана.

Но имя Михайлова было забыто. Парское правительство мстило Михайлову за революционную прокламацию «К молодому поколению».

С момента ссылки Михайлова в Сибирь имя его стало запретным и надолго исчезло из печати.

2 августа 1865 г. Михайлов умер в далеком ссылке. Два-три кратких некролога в газетах и журналах — вот и все, что откликнулось на смерть Михайлова. Только Горен в «Колоколе» отметил смерть Михайлова траурной рамкой на первой странице и оставил краткую заметку о нем одним выразительным и верным словом: «Убили».

Но и после смерти Михайлова имя его оставалось под запретом. Цензура упорно не разрешала издания книг с именем «государственного преступника».

Сборник стихов Михайлова, изданный в 1866 году, был сожжен по постановлению цензурного комитета.

Между тем литературное наследие поэта-революционера, яркого выразителя взглядов революционной демократии 50-60-х годов, бесспорно заслуживает внимания.

В ближайшие дни издательство «Советский писатель» выпускает в серии «Библиотека поэта» сборник избранных стихотворений М. Л. Михайлова. В сборник включено 137 оригинальных и переведенных на иностранные языки стихотворений, характеризующих Михайлова как создателя интимной и публицистической лирики революционной демократии.

Вступительная статья Н. Апухтина посвящена образу жизни и творчества поэта.

Сборник выпускается тиражом в 10 тысяч экземпляров. Цена 3 р. 60 коп.

Литературные монографии о заводах-гигантах

Издательство «Московский рабочий» приступило к выпуску специальной серии литературных монографий о крупнейших предприятиях Москвы и Московской области.

Уже вышло 5 книг: Н. Атаров — «На родине советских паровозов» (Коломенский машиностроительный завод имени В. В. Куйбышева), М. Марквич и С. Урбан — «У застав Ильича» (металлургический завод «Серп и молот»), З. Островский — «От Врэмляк к «Красному пролетарию», А. Писменников — «На Глуховке за 20 лет».

В этой же серии вышла книга «Как мы жили при царе и как живем теперь», в которой собраны рассказы работников и рабочих Трехгорной мануфактуры имени Ф. Э. Дзержинского.

В 1938 г. издательство наметило дать в этой серии монографии об автостроде имени И. В. Сталина, первом шарикоподшипниковом заводе имени Л. М. Кагановича, об Электромобильном заводе имени В. В. Куйбышева, Масскомбинате имени А. И. Микояна, Электросталь и др.

Книги Н. М. Пржевальского

В ближайшее время в Советские выйдут книга знаменитого русского путешественника Н. М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае 1867—1869 гг.», написанная автором после первой его экспедиции.

Книга эта дает много интересных сведений о природе, животном и растительном мире Уссурийского края, о людях, населявших край в 19-м столетии, и включает рассказы о жестокой колониальной политике царского правительства на окраинах.

Предисловие к «Путешествию в Уссурийском крае» знакомит читателя с научнo-исследовательской и литературной деятельностью знаменитого путешественника.

Новые книги

В ГОСЛИТИЗАТЕ ВЫШЛИ КНИГИ: * «Сенья Стрелок» — А. Чапыгина. Тираж 100 тыс. экз. Цена 25 коп.

* «Рассказы» повести. Фельетоны за 1935 — 1937 гг. Мих. Зощенко. Тираж 30 тыс. экз. Цена 6 руб.

* «Города и годы» — К. Федин. Тираж 30 тыс. экз. Цена 8 р. 50 к.

* «Классики русской литературы» — Дунчаковский. Тираж 10 тыс. экз. Цена 9 руб.

* «Мертвые души» — Н. В. Гоголь с иллюстрациями А. Агина. Тираж 20 тыс. экз. Цена 13 руб. 60 коп.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» ВЫШЛИ КНИГИ:

* «Стихи и песни о Сталине». Сборник стихов грузинских и русских поэтов под редакцией Н. Т